
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2017/4

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2017

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Гочо Гочев,
проф. д-р Стефка Георгиева, проф. д-р Елена Стоянова,
доц. д-р Татьяна Алексиева

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Владова (главный редактор), доц. д-р
Ирина Захариева (зам. гл. редактора), доц. д-р Димитрина
Лесневска (зам. гл. редактора), проф. д.ф.н. Христо
Манолакев, доц. д-р Радостина Илчева, Екатерина
Солнцева-Накова (отв. секретарь), Радослава Лесневска
(технический редактор).

**Журнал «Болгарская русистика» включен в Национальную
библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ
по адресу: <http://www.eLibrary.ru>**

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

А.П. Чудинов, Е.А. Нахимова

БОЛГАРСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ.....5

*В.П. Иванова*МОДИФИКАЦИОННЫЕ ИННОВАТЫ В РУССКОМ И
БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ. ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО
ОБЪЕМА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОСНОВА ОБНОВЛЕНИЯ
РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРИОД ПОСЛЕДНИХ
25 – 30 ЛЕТ ..... 14*И.М. Златев*ВОПРОС О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ И
МЕЖДОМЕТИЙ В БОЛГАРСКОМ И В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ
.....27

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*И. П. Захариева*СЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОМУ КАНОНУ И ЕГО
ОБОГАЩЕНИЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОГО
ПЕРИОДА 35

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Е.Д. Янкова*ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОЙ
ФИТОНИМИИ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ 45

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

*В. С. Манчев, Е. В. Солнцева-Накова*ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ФИЛЬМОВ (ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ) ..... 55*И. Л. Бирова*О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ И ОБ ОСНОВНЫХ
ТРЕБОВАНИЯХ В РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКА 61

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Л.Н. Норейко, Л.Н. Некрасова*ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК
ИНОСТРАННЫМ: ТРЕБОВАНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ
КОМПЕТЕНЦИИ ..... 67*И.Д. Петрова*К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ЖАРГОНА В ИНОСТРАННОЙ
АУДИТОРИИ 76

РЕЦЕНЗИИ

Д.С. Лесневска

СТЕРЕОТИПНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО В ТЕКСТЕ.
МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПОД
РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА М.П. КОТЮРОВОЙ. ВЫПУСК 21. –
ПЕРМЬ: ПГНИУ.– 2017. – 174 С. 85

ХРОНИКА

С. Георгиева

РОССИЯ В ПОИСКАХ МИРНОГО РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ,
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
КОНФЛИКТОВ 87

Р. Илчева

БОЛГАРСКИЕ ШКОЛЬНИКИ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОЛИМПИАДАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В 2017 ГОДУ 91

Т. Терзиева

СЕМИНАР В ШУМЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 94

ЮБИЛЕИ

Р. Илчева

ПРОФЕССОРУ ДОКТОРУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПЕТКО
ТРОЕВУ 75 ЛЕТ 96

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ..... 99

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА..... 101

ЛИНГВИСТИКА

Чудинов Анатолий Прокопьевич
доктор фил. наук, профессор
Уральский государственный
педагогический университет
Россия, г. Екатеринбург
e-mail: ap_chudinov@mail.ru

Chudinov Anatoly Prokopevich
Professor, Dr. Sc.
Ural state pedagogical University
Russia, Ekaterinburg
e-mail: ap_chudinov@mail.ru

Нахимова Елена Анатольевна
доктор фил. наук, профессор
Уральский государственный
педагогический университет
Россия, г. Екатеринбург
e-mail: nakhimova@gmail.com

Nakhimov Elena
Professor, Dr. Sc.
Ural state pedagogical University
Russia, Ekaterinburg
e-mail: nakhimova@gmail.com

А.П. Чудинов, Е.А. Нахимова

БОЛГАРСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ¹

Аннотация. В статье предлагается обзор исследований болгарских лингвистов, изучающих политическую метафорологию и смежные проблемы языковой картины политической реальности на материале русского и болгарского языка.

Ключевые слова: метафорология, политическая метафора, русский язык, болгарский язык.

A.P. Chudinov, E.A. Nakhimova

BULGARIAN POLITICAL METAPHOROLOGY

Abstract. The article offers a review of the researches of Bulgarian linguists studying political metaphorology and related problems of the language picture of political reality in Russian and Bulgarian language.

Keywords: metaphorology, a political metaphor, Russian language, Bulgarian language.

Интенсивное развитие информационных технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда: проект 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик».

внимания общества к политическому дискурсу, яркой приметой которого в последние десятилетия стала все возрастающая метафоричность. В связи с этим стремительно растет количество публикаций, посвященных политической метафоре, которая еще недавно воспринималась как одно из многих средств «украшения» ораторской речи, а сейчас рассматривается как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом.

Исследование метафорического арсенала позволяет выявить подсознательные установки и стремления политического лидера, является ярким показателем особенностей национального самосознания и уровня политического развития общества. Показательно, что учение о метафоре, которое еще недавно относили к периферии лингвистики, попало в центр интересов таких наук, как социальная и политическая психология, философия, логика, теория коммуникации, культурология и этнология. Теория метафоры в последние десятилетия стала едва ли не ведущим направлением когнитивистики, психолингвистики и лингвокультурологии.

В современной теории и практике когнитивного изучения политической метафоры важную роль играет классическое исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live by*» [23] (в русском переводе: [6]). Как справедливо отмечает А.Н. Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюрковского „Курса общей лингвистики“ в когнитивизме лингвистического извода» [2, с. 7].

Другое знаменательное событие в истории изучения политической метафоры – это появление знаменитой интернет-публикации Дж. Лакоффа «*Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*» [24], в которой автор не только с необычной для филолога страстностью разоблачал способы метафорического оправдания готовящейся войны Соединенных Штатов и их союзников против Ирака, но и в полной мере продемонстрировал свою методологию изучения концептуальной политической метафоры, одним из этапов которой является сопоставление метафорического представления одного и того же

феномена в политических дискурсах разных народов. Думается, что именно названные публикации стали тем рубежом, с которого начинается современный этап в изучении политической метафорики, а возможно, и новый этап в развитии всей политической лингвистики.

Как показывает специальный обзор [3], уже в конце прошлого века рассматриваемая теория и соответствующая ей практика исследования концептуальных политических метафор получает широкое признание в мировой науке [17; 18; 19; 20; 21; 23; 24; 25; 26; 27; 30; 28; 29; 31; 32 и др.]. За четверть века в самых разных странах мира были созданы сотни публикаций, авторы которых обосновывают свой подход ссылками на теорию Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Вместе с тем вполне закономерно, что отдельные положения теории концептуальной метафоры со временем уточнялись и развивались.

Одна из актуальных проблем современной политической метафорологии – сопоставление закономерностей метафорического моделирования картины мира в политических дискурсах различных народов. В этой сфере обнаруживается постоянное взаимодействие двух тенденций. С одной стороны, как справедливо отмечает Т.В. Шмелева, «современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных... языков – вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам... Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже» [16, с. 5]. С другой стороны, следует согласиться с тем, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [6, с. 404]. Аналогичные мысли неоднократно высказывали и российские специалисты (А.Н. Баранов, Е.М. Верещагин, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Е.С. Кубрякова, Б.А. Успенский и др.).

Сопоставляя названные тенденции, можно сделать вывод о том, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает современное состояние общества, национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и др.), а в третьих – имеет общечеловеческий характер.

Для верификации этих положений очень важно сопоставление политической метафорики различных народов, привлечение материала, относящегося к политической коммуникации различных государств. С этой точки зрения значительный интерес представляют исследования болгарских лингвистов [1; 4; 5; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15 и др.].

Говоря о болгарской школе политической метафорологии, необходимо выделить недавние монографии Лиляны Цоневой [14] и Елены Стояновой [7].

В монографии Лиляны Цоневой [14] развиваются (а во многих случаях – переосмысляются и развиваются) некоторые идеи, отраженные в более ранних работах автора, посвященных болгарской метафорической картине мира в ее сопоставлении с метафорической картиной мира, которая существует в национальном сознании русского народа. Автор сосредоточил свое внимание на болгарской политической метафоре начала XXI века, когда происходили важные события, нашедшие свое отражение в национальных средствах массовой информации и – что еще важнее – в национальном сознании. К их числу, бесспорно, относятся вступление страны в НАТО (2004) и в Европейский союз (2007), несколько избирательных кампаний, мировой экономический кризис и т.д.

Опыт самых различных стран (США, Нидерланды, Франция, Германия, Китай) показывает, что «метафорические бури», как правило, отражают осложнение политической обстановки, тогда как метафорические «штили» обычно характерны для периодов стабилизации. Исследование Лиляны Цоневой свидетельствует, что эта закономерность проявляется и в современной Болгарии.

Первая глава монографии носит теоретический характер: исследователь рассматривает общие проблемы политической метафоры, теорию дискурса, функции метафор и их источников, соотношение метафоры и языковой игры.

Вторая глава посвящена детальному описанию конкретных метафорических моделей. Взяв за основу для своей классификации сферы-источники метафоризации, Лиляна Цонева последовательно описывает модели антропоморфной, социоморфной, природоморфной и артефактной метафоры. Автор убедительно

показывает, что в болгарском политическом дискурсе особенно активны медицинская, театральная, военная, спортивная, зооморфная и кулинарная метафоры. Значительный интерес представляют также образы, связанные с метафорическим использованием прецедентных имен. Например, на стр. 189–191 в рамках анализа метафоры пути проанализированы случаи метафорического употребления имени «Титаник» как символа катастрофы.

Как известно, в современном мире все активнее формируется глобальное метафорическое пространство: удачные образы, возникающие в одном языке, нередко распространяются по всему земному шару. Так получается, что метафорическая картина мира разных народов все больше сближается. Для русского читателя особый интерес представляют болгаро-российские метафорические параллели. Разумеется, речь не идет о полном сходстве, но эти параллели – еще одно свидетельство традиционной близости наших языков и языковых картин мира.

В то же время значительный интерес для российских читателей представляет анализ некоторых метафорических моделей, в которых можно обнаружить единицы, характерные прежде всего для болгарского медиадискурса. К числу таких моделей можно отнести в первую очередь модель со сферой-источником «Кулинария», в которой особое место занимает метафора *баница* как символ власти, и модель со сферой-источником «Животный мир».

Детальный анализ ведущих метафорических моделей позволяет автору прийти к выводу о том, что болгарская политическая метафорическая картина мира, представленная в дискурсе национальных СМИ, – явление сложное, сочетающее в себе элементы, восходящие к балканскому, славянскому и общеевропейскому культурным ареалам,

К числу столь же ярких достижений болгарской политической метафорологии относятся исследования Елены Стояновой и прежде всего ее монография «Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации» [7], для которой характерно постоянное сопоставление болгарской и русской метафорики. Такой подход очень важен, он, с одной стороны, позволяет охарактеризовать русские метафоры в их восприятии болгарским языковым сознанием, а с другой –

воспринимает родные болгарские метафоры с учетом российской политической метафорики.

Как заявляет автор, «в монографии метафора квалифицируется в качестве способа представления лингвокультурной ситуации» (стр.13), однако в не меньшей мере рассматриваемые метафоры отражают политическую ситуацию, политическую борьбу и политические взгляды их (метафор) создателей. Поэтому вполне закономерно, что книгу открывает глава, посвященная соотношению метафоры и лингвокультурной ситуации.

Елена Стоянова определяет эпохальную метафору как «когнитивный механизм фиксирования изменений лингвокультурной ситуации», соответственно эпохальность понимается как свойство метафоры подчеркивать принадлежность к определенному времени, иными словами обеспечивать соотносимость метафоры с определенной лингвокультурной ситуацией». Далее следует характеристика российской (советской) политической метафорики эпохи тоталитаризма, перестройки и постсоветской эпохе (конца XX и начала XXI столетия). Российского читателя приятно поразит прекрасное знакомство Елены Стояновой как с политической историей России, так и с публикациями российских специалистов по общей и политической метафорологии. Вместе с тем российских читателей могли бы заинтересовать материалы болгарской эпохальной метафоры, в том числе в ее тоталитарном, переходном и современном вариантах.

Монографию очень украшает раздел «Дом как феномен славянской культуры», где удачно сочетается характеристика общеславянских закономерностей и национальных особенностей восприятия культурного феномена «дом» в русском и болгарском национальном сознании. Автор справедливо отмечает, что особую культурную значимость дома и его конструктивных элементов в славянской лингвокультуре, где дом – это артефакт, созданный человеком и воплощающий его воззрения и представления о мире, о себе, своей семье с учетом связи поколений, соотношения прошлого, настоящего и будущего. В феномене дома отражаются архетипические антиномии верх–низ, свой–чужой, открытый–закрытый, мужской–женский и др. С осознания сущности дома

начинается осознание принадлежности к своему народу, своей стране. Автор детально рассматривает символические функции не только дома в целом, но и символику его конструктивных элементов (дверь, окно, стена, потолок, крыша, порог, очаг, красный угол, а также двор, ворота и др.).

Детальное описание дома как традиционного архетипа славянской культуры позволяет Елене Стояновой перейти к исследованию архитектурной метафоры в дискурсе российских и болгарских СМИ. Автор детально описывает фреймы и слоты соответствующей модели (разрушение старого мира, строительство социализма и коммунизма, перестройка и ее прорабы, строительство новой Европы и дискуссии о планировке и функциях «общеевропейского дома» и «евразийского союза»). Важно отметить, что Елена Стоянова хорошо знает соответствующую научную литературу и использует в своем исследовании концепции различных научных школ, рассматривающих метафору в рамках когнитивной, риторической, дискурсивной, семиотической и лингвокультурологической направленности.

Автор справедливо связывает метафорическую насыщенность лингвокультурной ситуации начала XXI века в России и Болгарии со стремительным и разнонаправленным развитием социально-политической ситуации, в рамках которой островки не всегда оправдываются надежды на стабилизацию и оптимальное развитие. Вместе с тем Елена Стоянова справедливо отмечают национальные корни российской и болгарской метафоры, ее роль в деле сохранения и развития традиций, связи между поколениями.

Заканчивая наш обзор, отметим, что исследования Лиляны Цоневой и Елены Стояновой ярко представляют болгарскую школу политической метафорологии, которая оптимально сочетает в себе идеи различных научных школ (американской, немецкой, британской, российской, французской и др.). Названные исследования могут послужить основой для сопоставления болгарских и – шире – славянских метафор с метафорами других народов, которое поможет выявить важные особенности восприятия и оценки мира, присущие разным культурам, а также разграничить универсальные закономерности и особенности, характерные для того

или иного культурного ареала, для той или иной национальной культуры.

Библиографический список

1. Аврамова В. Развитие метафоры в современной русской и болгарской публицистике // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Вып. 2. – Шумен, 2006.
2. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М.: Флинта: Наука, 2008.
4. Добрева Е. Аспекти на масмедийната «реалност». – Велико Търново, 2011.
5. Евтимова А. Медийна езикова вакханалия // Медии в обществени комуникации. – София, 2011, № 8.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. – Шумен: УИ «Епископ Константин Преславски», 2013. – 276 с.
8. Стоянова Е. Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских массмедиа) // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Вып. 2. Шумен, 2006. – С. 58–79.
9. Стоянова Е. Универсальное и специфическое в анималистической метафоре. // Шестая Международная научная конференция: РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЫ И МИРА: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. 22–25 мая 2014 года, Левен – Бельгия. Левен, 2014. – С. 1664–1679.
10. Стоянова Е. Вкусовая метафора или связь традиции и современности (на материале российских и болгарских медиатекстов) // Медиалингвистика. Научный журнал международной медиалингвистической комиссии Международного комитета славистов (под патронатом ЮНЕСКО). – Вып. 2 (5). – СПб, 2014. – С. 104–118. / <http://medialing.spbu.ru/part10/>
11. Стоянова Е. Лингвокультурная традиция как основа метафорического моделирования действительности. // Медиалингвистика. – Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа: сб. статей / Под ред. Л. Р. Дускаевой. Отв. ред. Н. С. Цветова. – СПб.: С-Петербург. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. – С. 247–252.

12. Стоянова Е. Эмотивная составляющая современной вкусовой метафоры (на материале российских и болгарских медиатекстов) // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica* 11. W kręgu zagadnień semantycznych, kulturologicznych i pragmaticznych. – Łódź, 2015. – С. 129–139.
13. Стоянова Е. Баница, пицца или пирог? К вопросу о реализации культурной коннотации метафоры в русских и болгарских медиатекстах. – Проблемы функционального и когнитивного описания русского и болгарского языков. – Т. 9. – Шумен: УИ “Епископ Константин Преславски“, 2015. – С. 194–218.
14. Цонева Л. Болгарската политическа метафора. – Велико Търново, 2012.
15. Цонева Л. Думата криза в медийния дискурс (болгарско-руски паралели). – Велико Търново, 2012.
16. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // *Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. – Т. 7. – Екатеринбург, 2001.
17. Bachem R., Battke K. Strukturen und Funktionen der Metapher Unser Gemeinsames Haus Europa im aktuellen politischen Diskurs // *Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik* Opladen / ed. F. Liedtke, M. Wengler, K. Boke. – Opladen: Westdeutscher Verl., 1991.
18. Borkowski I. Świt wolnego słowa: język propagandy politycznej 1981–1995. – Wrocław: Wydaw. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003.
19. Chilton P.A., Ilyin M.V. Metaphor in Political Discourse: the Case of “Common European House» // *Discourse and Society*. – 1993. – Vol. 4. – № 1.
20. Chilton P. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. N. Y.; Bern; Frankfurt – M.: Peter Lang, 1996.
21. Chilton P., Lakoff G. Foreign policy by metaphor // *Language and Peace* / ed. Ch. Schäffner, A. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995.
22. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't? – Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1996.
23. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. – Chicago: Univ. of Chicago Pr., 1980.
24. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. – 1991. / URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm.
25. Milliken J.L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // *Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation*. – East Lansing: Michigan St. Univ. Pr., 1996.
26. Musolf A. Promising to End a War = Language of Peace? The Rhetoric of Allied News Management in the Gulf War 1991 // *Language and Peace* / ed. C. Schäffner, A. L. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995.

27. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New World Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10. – № 2.
  28. Schäffner C. Building a European House? Or a Two Speeds into a Dead End? Metaphors in the Debate on the United Europe // *Conceiving of Europe – Unity in Diversity* / ed. A. Musolff, Ch. Schäffner, M. Townson. – Aldershot: Dartmouth Publ., 1996.
  29. Schäffner C. The ‘Blance’ Metaphor in Relation to Peace // *Language and Peace* / C. Schäffner, A. L. Wenden (eds.) – Aldershot: Dartmouth, 1995.
  30. Semino E., Masci M. Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // *Discourse and Society*. – 1996. – Vol. 7. – № 2.
  31. Straehle C., Weiss G., Wodak R., Muntigl P., Sedlak M. Struggle as metaphor in European Union discourses on unemployment // *Discourse and Society*. – 1999. – Vol. 10. – № 4.
  32. Thornborrow J. Metaphors of Security: A comparison of representations in defense discourse in post-cold-war France and Britain // *Discourse and Society*. – 1993. – Vol. 4. – № 1.
-
-

Иванова Ваня Панева
доктор филологии, преподаватель
Великотырновский университет им.
Святых Кирилла и Мефодия
Болгария, г. Велико-Тырново
e-mail: vania.ivanova1@gmail.com

Ivanova Vanya Paneva
Ph.D., lecturer
St. Cyril and St. Methodius University
of Veliko Tarnovo
Bulgaria, Veliko Tarnovo
e-mail: vania.ivanova1@gmail.com

В.П. Иванова

**МОДИФИКАЦИОННЫЕ ИННОВАТЫ В РУССКОМ И
БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ. ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО
ОБЪЕМА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОСНОВА
ОБНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛЕКСИКИ В
ПЕРИОД ПОСЛЕДНИХ 25 – 30 ЛЕТ**

Аннотация. В статье анализируются модификационные инноваты в русском и болгарском языках, возникшие вследствие изменения семантического объема лексических единиц в период последних 25 – 30 лет. В качестве основы модификации семантического объема лексических единиц рассматриваются расширение и сужение значения, основывающиеся на родо-видовых отношениях между понятиями. Отмечается также степень межъязыковой эквивалентности модификационных инноватов, а также обращается внимание на семантические сферы их функционирования.

Ключевые слова: модификация семантического объема лексической единицы, расширение и сужение значения, родо-видовые отношения, модификационные инноваты, русско-болгарские семантические эквиваленты

V.P. Ivanova

MODIFICATION INNOVATIONS IN RUSSIAN AND BULGARIAN. CHANGES IN THE SEMANTIC VOLUME OF LEXICAL UNITS AS A BASIS FOR RENEWAL OF RUSSIAN AND BULGARIAN VOCABULARY IN THE LAST 25 – 30 YEARS

Annotation. The article analyzes the modification innovations in Russian and Bulgarian language resulting from the changes in the semantic volume of lexical units in the last 25-30 years. The basis for modification of the semantic volume of the lexical units is the extension and narrowing of the meanings, which is based on the genus-species relations between the concepts. The degree of inter-language equivalence of modification innovations is also noted and attention is paid to their semantic functional areas.

Keywords: Modification of the semantic volume of lexical units, extension and narrowing of meaning, genus-species relations, modification innovations, Russian-Bulgarian semantic equivalents

В период последних 25 – 30 лет активизация новационных процессов обусловила ряд изменений в лексических системах русского и болгарского языков. На лексико-семантическом уровне в обоих языках в первую очередь заметно действие двух основных процессов – неологизации и инновации. Неологический процесс приводит к появлению новых лексических единиц (слов, номинативных словосочетаний, фразеологизмов), а инновационный процесс изменяет существующие лексические единицы с позиции их семантического статуса или уровня их функционирования [2, 24–25].

Одна из основных разновидностей инновационного процесса – это модификация содержательной стороны лексической единицы, меняющая ее семантический объем на основе расширения и сужения значения. Следует отметить однако, что необходимо разграничивать логический и лингвистический подход к явлениям расширения и сужения. В качестве логической операции расширение и сужение связаны с объемом понятия, соответственно с номинативной функцией лексической единицы. Расширение объема значения лексической единицы предполагает расширение ее номинативной функции, а сужение объема значения лексической единицы

представляет собой процесс, противоположный расширению значения и характеризуется сужением ее номинативной функции. Номинативная функция лексической единицы меняется путем появления нового значения в семантической структуре лексической единицы, которое может возникнуть на основе как расширения, так и сужения самого значения в лингвистическом плане. Как известно, с позиции такой трактовки, расширение и сужение значения – парадигматически обусловленные изменения, которые базируются на связях, существующих между членами одной и той же лексико-семантической парадигмы [3, 55]. В основе явлений расширения и сужения лежат логические отношения включения (подчинения), которые выражаются родо-видовыми отношениями между понятиями, соответственно между лексическими значениями. На лексико-семантическом уровне расширение значения представляет собой процесс, в результате которого новое значение начинает выражать родовое понятие, а семный механизм этого процесса основывается на устранении дифференциальных сем исходного значения. Процесс сужения относится к обозначению видового понятия и с точки зрения семного механизма выражается добавлением дифференциальных сем, что приводит к сужению сигнификата.

В настоящей статье рассмотрим появившиеся новые значения – неосемемы (вместе с их материальным выражением) или «модификационные инноваты» [2, 32], возникшие в результате изменения семантического объема лексических единиц в русском и болгарском языках посредством расширения и сужения значений на основе родо-видовых отношений между понятиями. Отметим также степень межъязыковой эквивалентности¹ этих модификационных инноватов, а также обратим внимание на семантические сферы их функционирования.

Материал исследования ограничен в рамках имен существительных, поскольку отношение имен существительных к предметам действительности является «ядерным, основным типом

---

¹ Межъязыковая эквивалентность рассматривается только на уровне семантического изменения, т.е. в анализ включаются модификационные инноваты, возникшие единственно на основе родо-видовых отношений между понятиями.

номинации» [1, 233], а семантическая категория «предметность», отражаемая именами существительными, считается центральной и отправной, так как она включает понятие о предмете в виде системы свойств, охватывающей также опредмеченные абстрактные понятия о качествах, отношениях, состояниях и явлениях.

Источниками рассматриваемых модификационных инноватов являются новейшие толковые и неологические словари русского литературного и болгарского литературного языков, опубликованные в период последних 25 – 30 лет. В настоящей статье новые значения анализируются с позиции их закреплённости в лексических системах обоих языков в указанный период, достаточным свидетельством о чем является их фиксация в упомянутых источниках.

I. Модификация семантического объема лексических единиц на основе отношений ‘род → вид’. Сужение значения

Модель модификации, при которой название родового признака переносится на видовой признак, лежит в основе возникновения пары русско-болгарских эквивалентов, принадлежащей **к общественно-политической сфере**, ср.: русск. *наблюдатель* ‘Тот, кто наблюдает, следит глазами за кем, чем-л., наблюдает что-л.’ → *‘Назначенное при проведении выборов лицо, уполномоченное осуществлять наблюдение за деятельностью избирательной комиссии’* / болг. *наблюдател* ‘Лице, което наблюдава, чиято длъжност е да наблюдава’ → *‘Човек, който следи да се спазва законността и реда при гласуване на избори’*.

В области военно-политических дел в последние годы на основе модели ‘род → вид’ появились и вошли в словари русского и болгарского языков модификационные эквиваленты, связанные с вмешательством определенного государства в политику и во внутренние дела другого государства, ср.: русск. *миротворец* ‘Тот, кто способствует установлению мирной жизни, способствует прекращению войны, распри’ → *обычно мн. ‘Армейские части, поддерживающие мирное состояние в тех районах, где произошел вооруженный конфликт’* / болг. *мироворец* ‘Който създава мир и спокойствие, бори се за запазване на мира’ → *обикн. мн. ‘Въоръжени сили, извършващи операции за поддържане или възстановяване на международния мир и сигурност’*.

К сфере военного дела относится также русский инноват **контрактник**, который не имеет болгарского эквивалента, ср.: ‘Тот, кто работает по контракту’ → *‘Военнослужащий, добровольно оставшийся на сверхсрочную военную службу и заключивший для этого контракт’*.

Родо-видовые связи обуславливают также модификацию семантического объема определенных лексических единиц, чьи новые значения входят **в сферу экономики, торговли, крупного и малого бизнеса**. Некоторые из этих инноватов обозначают систему ценностных установок, ориентиров, норм и принципов поведения и функционирования экономических, коммерческих и иных организаций, ср.: русск. **идеология** ‘Совокупность философских, правовых, нравственных, религиозных, эстетических норм, взглядов, представлений; мировоззрение’ → *‘Совокупность идей и взглядов, выражающих интересы экономической организации, бизнеса и т. п., определяющих нормы поведения компании на рынке и в обществе’* / болг. **идеология** ‘Система от политически, правни, морални, религиозни, философски, естетически и др. възгледи и идеи’ → *‘Принципи, правила, начин на действие на икономическа, търговска и друга организация’*. Другие русско-болгарские семантические эквиваленты в этой сфере являются названиями субъектов малого бизнеса, ср.: русск. **частник** ‘Частный предприниматель, торговец’ → *Разг. ‘Тот, кто занимается частным извозом на своем транспортном средстве’* / болг. **частник** ‘Лице, което работи за своя сметка, а не в държавно предприятие или кооперация’ → *Разг. ‘Лице, предоставящо транспортни услуги срещу заплащане със собствен или нелицензиран таксиметров автомобил’*.

В развитии инноватов, принадлежащих к **сфере преступности и незаконной деятельности**, также продуктивна модель переноса родового признака исходного значения на видовой признак производного. Ср. напр. русские и болгарские названия криминальных сообществ и преступных действий, появившиеся и вошедшие в словари обоих языков в начале 90-х годов XX-го века: русск. **группировка** ‘Сообщество, объединение людей, отстаивающих общие интересы, цели, взгляды и т. п.’ → *‘Устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких*

преступлений / болг. **групировка** ‘Две или повече взаимодействащи си лица, чиито отношения се регулират от обща за тях система от ценности и норми на основата на съгласувано изпълнение на съответната дейност’ → ‘Неформална организация, обикн. на борци или бивши полицаи, която се занимава с незаконен бизнес, рекет, кражби, незаконна охранителна, застрахователна или друга дейност’; русск. **заказ** ‘Поручение изготовить, сделать, доставить что-л.’ → ‘Даваемое наемнику поручение убить кого-либо или совершить какое-либо иное противоправное действие в отношении кого-либо’ / болг. **поръчка** ‘Искане за извършване срещу заплащане на определена работа, услуга и т. п.’ → ‘Престъпно действие, което се извършва от наемник по подбuditелство и срещу заплащане от страна на заинтересовано лице’.

В русском языке изменение семантического объема лексической единицы приводит к пополнению рассматриваемой сферы некоторыми инноватами – жаргонными обозначениями преступных сообществ или единиц, которые не имеют болгарских семантических эквивалентов на основе родо-видовых отношений², ср.: русск. **братва** ‘Люди, связанные общим делом, условиями существования и т. п.; люди одного круга, одной компании и т. п.’ → *Крим. Жарг.* ‘Члены преступной группировки’, **заказчик** ‘Физическое или юридическое лицо, делающее заказ на выполнение каких-л. работ’ → *Криминал.* ‘Преступник, заказывающий убийство или совершение какого-либо иного противоправного действия в отношении кого-либо’. В современных словарях русского языка присутствует также название, характеризующее человека как единицу преступного сообщества в связи с иерархическими отношениями в криминальной структуре, ср.: **авторитет** ‘Лицо, пользующееся признанием, влиянием’ → *Жарг.* ‘Наиболее влиятельный член преступной группы, обладающий властью’.

В области, связанной с наркоманией и наркораспространением, обнаруживаются вошедшие в словари русского и болгарского языков разговорные и жаргонные названия некоторых видов наркотиков, ср.: русск. **синтетика** ‘Синтетические материалы; изделия из них’ → *Разг.* ‘Синтетические наркотики’ /

² Не путать со словарными эквивалентами.

болг. **синтетика** ‘Синтетични материали или изделия от тях’ → Разг. ‘Синтетични наркотици’ русск. **травка** Уменьш. к сущ. трава ‘Растение с однолетним мягким и тонким зеленым стеблем’ → Жарг. ‘Высушенные листья конопли; наркотик, изготовленный из определенных сортов конопли’ / болг. **трева** ‘Едногодишно или многогодишно растение с тънко зелено стъбло’ → Жарг. ‘Растението марихуана; наркотик за пушене’. Сюда включаем и название определенного количества наркотического вещества, обнаруживаемое в качестве отдельного значения в новейших русских и болгарских словарях, ср.: русск. **доза** ‘Некоторое количество чего-либо’ → Жарг. ‘Порция наркотического вещества’ / болг. **доза** ‘Определено количество лекарство, което трябва да се вземе или препарат, който трябва да се използва наведнъж’ → Жарг. ‘Количество наркотик’.

В болгарском языке в этой сфере функционирует также название терапевтических сообществ и реабилитационных центров для наркозависимых, ср.: болг. **комуна** ‘Колектив от лица, обединили се за съвместен живот с общност на имота и труда’ → ‘Общност от наркомани, които желаят да се излекуват от пристрастеността си към наркотици и за тази цел се обособяват в отдалечени места, където организират живота си в труд и самоконтрол’.

В обоих рассматриваемых языках в период последних 25 – 30 лет особенно интенсивно пополнилась новыми значениями **семантическая сфера, связанная с компьютерными и информационными технологиями**. Хотя в этой области основная часть болгарских и русских семантических инноватов относится преимущественно к изменениям семантической структуры лексических единиц и новые значения являются семантическими кальками из английского языка на основе метафоры, наблюдается немало случаев, когда модифицируется семантический объем лексических единиц вследствие переноса родового или видового признака исходного значения на новое значение.

Некоторые инноваты в рассматриваемой области, например, являются названиями человека по роду деятельности, профессии, занятия в информационной среде, ср. русско-болгарские эквиваленты: русск. **администратор** ‘Должностное лицо,

управляющее чем-н.’ → *Информ.* ‘Специалист, осуществляющий контроль над использованием компьютерной базы данных, сети’ / болг. **администратор** ‘Длъжностно лице, на което е възложено да ръководи нещо’ → *Информ.* ‘Специалист, който контролира поддържането на компютърна система, мрежа, сървър, сайт и под. и достъпа до тях’; русск. **оператор** ‘Специалист, управляющий работой сложного механизма или отвечающий за выполнение определенного процесса’ → *Информ.* ‘Специалист, который работает за компьютером и наблюдает и обеспечивает вычислительные процессы’ / болг. **оператор** ‘Лице, което извършва определена дейност, операция, обикн. с някаква машина, апарат и под.’ → *Информ.* ‘Човек, който въвежда данни и контролира информационния поток в компютър или мрежа’.

Другие инноваты представляют собой названия компьютерных и информационных реалий, ср. например обозначения аппаратного оборудования, компьютерных и компютризированных устройств в русском и болгарском языках, как: **приставка** ‘Устройство или предмет (обычно вспомогательные), приставленные дополнительно к чему-л.’ → *Техн.* ‘Специализированный компьютер с ограниченным набором функций (обычно без устройств вывода)’ / болг. **приставка** ‘Устройство или приспособление, което се поставя, монтира или включва допълнително към уред, друго устройство и под.’ → *Техн.* ‘Вид допълнително компютърно устройство’ (игрова п., телевизионна п.); русск. **буфер** ‘Промежуточное звено, согласующее характеристики предыдущего и последующего звеньев технических и иных систем’ → *Комп.* ‘Часть памяти компьютера, предназначенная для промежуточного хранения данных при их передаче между устройствами с разными скоростями’ / болг. **буфер** ‘Междинно звено в технически и други системи’ → *Комп.* ‘Памет за междинно съхраняване на данни в компютър’; русск. **диск** ‘Деталь машины, какого-л. устройства в виде плоского круга’ → *Комп.* ‘Устройство, позволяющее записывать и хранить информацию в компьютере’ / болг. **диск** ‘Метален кръг като част от машина, апарат и под.’ → *Комп.* ‘Основно устройство на компютър за запис и съхраняване на цифрова информация’.

В обоих языках выделяются также различные названия компьютерных программ и программных компонентов: наименования файлов и директорий, элементов софтвера, ср.: русск. **каталог** ‘Список, перечень каких-л. однородных предметов, составленный в определенном порядке’ → *Информ.* ‘Директория, содержащая перечень файлов, расположенных на магнитном диске компьютера’ / болг. **каталог** ‘Списък на някакви предмети, съставен по определен ред за улеснение при използването им’ → *Информ.* ‘Йерархично подредени и организирани електронни данни’; русск. **архив** ‘Собрание разнообразных документов, относящихся к деятельности какого-л. учреждения, организации, лица и т. п.’ → *Информ.* ‘Данные, хранящиеся на диске, в сжатом виде’ / болг. **архив** ‘Сбирка от писмени документи’ → *Информ.* ‘Данни, съхранявани в компресиран вид на твърдия диск на компютър или на друг електронен носител’.

Хорошо известны в обоих языках также обозначения информационных аналогов элементов материальной системы пересылки писем, сообщений и т. п., возникшие на основе родовидовых отношений, ср.: русск. **почта** ‘Учреждение связи, ведающее пересылкой писем, периодических изданий, посылок, денег и т.п.; пересылка, доставка чего-л. средствами таких учреждений; доставляемые письма, посылки и т. п.’ → *Информ.* ‘Система обмена информацией, позволяющая пересылать сообщения через компьютеры; электронные сообщения пересылаемые таким образом’ / болг. **пошта** ‘Учреждение, служба за изпращане на посочен адрес на писма, вестници, товари и др.; самите изпращани по този начин предмети’ → *Информ.* ‘Електронна система за предаване на съобщения; самите електронни съобщения’; русск. **адрес** ‘Обозначение, название местонахождения, местожительства’ → *Информ.* ‘Совокупность символов, однозначно определяющая местонахождение компьютера, хранящейся на нем информации в компьютерной сети’ / болг. **адрес** ‘Данни за обозначение на местоположението на някого или нещо’ → *Информ.* ‘Последователност от символи, еднозначно определящи мястото, в което се съхранява или към което се изпраща информация в компютърната памет или в мрежа’.

Другие модификационные инноваты-обозначения реалий информационной системы, о которых характерен перенос названия родового признака на видовой в новом значении, иллюстрируют русско-болгарские эквиваленты, как: русск. **пароль** ‘Секретное, условленное слово, фраза или предмет (применяется для опознания своих людей в различных ситуациях)’ → *Информ.* ‘*Шифровой код, предъявляемый пользователем компьютеру для получения доступа к данным и программам*’ / болг. **парола** ‘Условно тайна дума, която служи за разпознаване на свои, близки и пр.; пропуск’ → *Информ.* ‘*Съвкупност от знаци за получаване на достъп до информацията в компютъра и мрежата*’; русск. **информация** ‘Сведения, факты о ком-, чем-л.’ → *Информ.* ‘*Совокупность сведений как объект хранения, переработки и передачи*’ / болг. **информация** ‘Съвкупност от сведения за нещо или някого’ → *Информ.* ‘*Съвкупност от данни в електронна форма, в цифров формат като обект на събиране, съхраняване, обработка, представяне, използване, разпространение и др.*’; русск. **данные** ‘Сведения, показатели, характеризующие кого-, что-л.’ → *Информ.* ‘*Информация, представленная в пригодном для компьютерной обработки виде*’ / болг. **данни** ‘Точни сведения, факти’ → *Информ.* ‘*Сведения, снабдени със съответните операции за обработка (обновяване, изтриване, добавяне и др.)*’; русск. **протокол** ‘Правила, предписания, регулирующие какую-л. деятельность’ → *Информ.* ‘*Набор правил, регламентирующих формат и процедуры обмена информацией между устройствами, процессами компьютера или компьютерами в сети*’ / болг. **протокол** ‘Съвкупност от общоприети правила, норми и условности’ → *Информ.* ‘*Система от стандартни софтуерни програми и правила, която осигурява съвместимост на компютри, сървъри и др. електронни устройства при обмен на документи, съобщения и др. данни чрез интернет*’.

В русском языке в области компьютерных и информационных технологий наблюдается развитие инновата **накопитель** ‘Устройство, аппарат, позволяющие накапливать, собирать что-л.’ → *Комп.* ‘*Внешняя память компьютера – устройство для длительного хранения информации*’.

Название родового понятия переносится на видовое в развитии значения **дефиниция**, функционирующего в болгарском языке, ср.: ‘Сбито, кратко описание на значението, съдържанието на дума или понятие; определение’ → *Информ. ‘Описание на програмния код на компютърен вирус, включено в антивирусна програма, на основата на което той бива разпознаван от нея’ (във Δ Вирусна дефиниция).*

II. Модификация семантического объема лексических единиц на основе отношений ‘вид → род’. Расширение значения

Модель развития модификационных инноватов, согласно которой обозначение видового понятия становится обозначением родового понятия, оказалась довольно слабо продуктивной в русском и болгарском языках. В обоих языках обнаружены только три пары русско-болгарских эквивалентов, развившихся на основе отношения ‘вид → род’.

Первая пара принадлежит к **сфере социальных и социально-экономических отношений** и употребляется по отношению к спонсорам какой-нибудь деятельности, ср.: русск. **меценат** ‘Богатый покровитель наук и искусств’ → ‘Тот, кто покровительствует какому-н. делу, начинанию’ / болг. **меценат** ‘Богат и щедр покровител на изкуствата и науката’ → ‘Лице, предоставящо парични средства за развитие на някого или нещо в определена област’.

В сфере социальной и профессиональной деятельности можем рассматривать другую пару инноватов, где модель ‘вид → род’ обусловила перенос названия журналистической беседы на все типы беседы, проводимые в виде вопросов и ответов, ср.: русск. **интервью** ‘Беседа корреспондента радио, телевидения, газеты и т. п., предназначенная для распространения в средствах массовой информации’ → ‘Разновидность разговора, при которой интервьюер задает вопросы своим собеседникам и получает от них ответы: при приеме на работу, в социологии и т. п.’ / болг. **интервью** ‘Беседа на журналист с политически, обществен или друг деец, предназначена за печат или за предаване по радиото или телевизията’ → ‘Разговор, събеседване при кандидатстване за работа, виза и др. за проучване на квалификацията, мотивацията и др. лични особености на кандидата; при различни социологически и др. проучвания’.

В конце отметим и пару эквивалентных русско-болгарских инноватов **сферы преступности и незаконной деятельности**, возникших вследствие расширения значения, ср.: русск. **мафия** ‘Тайная террористическая организация в Италии, использующая методы шантажа, насилия, убийств’ → ‘*Организованная преступная группа, имеющая связи с представителями правящих кругов и извлекающая доходы из незаконной деятельности*’ / болг. **мафия** ‘Тайна терористична организация в Сицилия, започнала да действа в началото на XIX в.’ → ‘*Всяка организация, която използва престъпни, терористични методи и средства за контролиране на определена област от живота на обществото*’.

***

Проанализированные выше лексические единицы эксцерпированы на основе сплошной выборки из основных нормативных толковых словарей русского и болгарского языков и из всех обнаруженных неологических словарей обоих языков, опубликованных в период последних 25 – 30 лет. Из рассмотренного материала следует, что изменение семантического объема затронуло 30 существительных в русском языке и 27 в болгарском. Из них 25 пар являются семантическими эквивалентами, что свидетельствует о параллельном протекании указанного семантического процесса в обоих языках.

Подавляющее большинство лексических единиц в обоих языках модифицировались в результате сужения значения на основе родовидовых отношений между понятиями (по модели ‘род → вид’) – 22 пары русско-болгарских эквивалентов, 5 русских значений и 2 болгарских значения. Расширение значения (модель ‘вид → род’) является причиной возникновения только трех пар русско-болгарских эквивалентов.

Основные семантические сферы, пополняющиеся новыми значениями в результате модификации семантического объема лексических единиц, связаны с обществом, политикой и военным делом, экономикой и социально-экономическими отношениями, компьютерными и информационными технологиями, а также с преступностью и наркоманией. Самая активно пополняемая сфера в обоих языках – это сфера компьютерных и информационных

технологий, в которую входит большинство рассмотренных инноватов: 28 значений – 13 пар русско-болгарских эквивалентов, 1 значение в русском языке и 1 в болгарском. На втором месте как в русском, так и в болгарском языке, оказываются сферы, связанные с преступностью и незаконной деятельностью, а также с наркоманией и наркораспространением. Остальные семантические сферы характеризуются почти одинаковым количеством модификационных инноватов.

Библиографический список

1. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. Языковая номинация. Общие вопросы / В.Г. Гак. – Москва, 1977. – С. 230–293.
2. Гочев Г. Лексика русского языка новейшего периода: четыре лекции по спецкурсу / Г. Гочев. – LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, 2015. – 89 с.
3. Способы номинации в современном русском языке / Д.Н. Шмелев, А.Ф. Журавлев, О.П. Ермакова и др.; отв. ред. Д.Н. Шмелев. – Москва: Наука, 1982. – 296 с.

Лексикографические источники

1. БТР 2008: Попов Д. (ред.) Български тълковен речник / Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. – София: Наука и изкуство, 2008. – 1094 с.
2. БТСРЯ 2006: Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт 2006. – 1536 с., в авторской редакции 2014 г.
3. КРБСН 2013: Гочев Г. Краткий русско-болгарский словарь новаций // Активные процессы в лексике современного русского языка: лекции по спецкурсу / Г. Гочев. – Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2013. – С. 75–107.
4. НСРЯТС 2000: Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – Дрофа: Русский язык, 2000. – 1233 с.
5. РБЕ: БАН Речник на българския език в 14 тома. София: АИ „Проф. Марин Дринов“ <http://ibl.bas.bg/rbe/>
6. РНДБЕ 2010: Пернишка Е., Благодеева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.) / Е. Пернишка, Д. Благодеева, С. Колковска. – София: Наука и изкуство, 2010. – 516 с.

- РНДСБЕ 1999: Бонджолова В., Петкова А. Речник на новите думи в съвременния български език / В. Бонджолова, А. Петкова. – Велико Търново: Слово, 1999. – 140 с.
7. РЯКГ: Русский язык как государственный: Санкт-Петербургский государственный университет // Словари <http://rusgos.spbu.ru/index.php/dictionary>
  8. СНТСРЯ 2011: Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов / Е.Н. Шагалова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 413 с.
  9. СО 2008: Ожегов С.И. Словарь русского языка, 25-е издание, исправленное и дополненное. Под общей редакцией Л.И. Скворцова / С.И. Ожегов. – М.: Оникс: Мир и образование, 2008. – 1328 с.
  10. СТРБЕ 2000: Съвременен тълковен речник на българския език. Ст. Буров (отг. ред.). В. Бонджолова, М. Илиева, П. Пехливанова / Ст. Буров и колектив. – Велико Търново: Gaberoff, 2000 – 1104 с.
  11. ТСНСВРЯ 2013: Асланова Л.А. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка / Л.А. Асланова. – М.: Дом славянской книги, 2013. – 960 с.
  12. ТСРЯЛ 2006: Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Под. ред Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.

Златев Иван Марков
 ассистент
 Великотърновский университет им.
 Святых Кирилла и Мефодия
 Болгария, г. Велико-Търново
 e-mail: ivan-zlatev@narod.ru

Zlatev Ivan Markov
 Lecturer
 St. Cyril and St. Methodius University
 of Veliko Tarnovo
 Bulgaria, Veliko Tarnovo,
 e-mail: ivan-zlatev@narod.ru

И.М. Златев

ВОПРОС О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ И МЕЖДОМЕТИЙ В БОЛГАРСКОМ И В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Аннотация. В работе рассматриваются мнения исследователей о статусе звукоподражательных слов в болгарской и в русской лингвистике. С одной стороны, они включаются в междометия, с другой стороны, существуют мнения о необходимости разграничения междометий и звукоподражаний.

Ключевые слова: междометия, звукоподражания, болгарский, русский, разграничение, части речи.

I.M. Zlatev

THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION BETWEEN ONOMATOPOEIA AND INTERJECTIONS IN BULGARIAN AND RUSSIAN LINGUISTICS

Abstract: The article deals with scientific views on the status of onomatopoeia in Bulgarian and Russian linguistics. On one hand, they are often included as a class within the interjections part of speech, on the other hand, there are opinions that a differentiation between onomatopoeia and interjections is needed.

Keywords: Interjections, onomatopoeia, Bulgarian, Russian, differentiation, parts of speech.

Проблема разграничения звукоподражательных слов и междометий неразрывно связана с одним из «вечных» вопросов в грамматике – вопросом о частях речи. В настоящей работе попытаемся выяснить, как рассматривается эта проблема в болгарской и в русской лингвистике и на каком основании, с одной стороны, относят звукоподражания к междометиям или, с другой стороны, выделяют их в отдельную часть речи.

Звукоподражания или ономотопеи (из греч. *onomatopoiia*) – слова, передающие весьма условно и приблизительно средствами языка звуки окружающей действительности. Чаще всего при образовании этих слов большую роль играет восприятие человека. Очевидно, основное различие звукоподражаний и междометий заключается в их семантике. Если междометия выражают эмоциональные или волевые реакции на действительность, то звукоподражания передают явления действительности. Хотя такого рода передачу нельзя назвать номинацией в полном смысле слова, все-таки значение звукоподражаний ближе к номинативному. Существует довольно большое количество звукоподражаний, чье значение понятно без каких-либо пояснений. Оно осознается носителями языка, даже если они встречают звукоподражание вне словесного окружения. Это значение отражается в толковых словарях, оно закреплено в коллективном сознании. Так, например, для болгар слово *га* обозначает, несомненно, крик вороны, также как для русских *кар* обозначает тот же самый крик. Кроме того, существуют и звукоподражания индивидуальные. Это окказиональные слова, обозначающие звуки действительности, они не встречаются в словарях. Эти слова следует рассматривать

особо, поскольку в них значение закодировано на базе чисто субъективных ассоциаций и обычно не осознается носителями языка вне контекста.

Довольно часто в авторитетных грамматических трудах звукоподражаниям не уделяется достаточно внимания. К примеру, в учебнике «Современный русский язык» под ред. В.А. Белошапковой всего семь строк о звукоподражаниях. Его авторы отмечают, что иногда их относят к междометиям, но они остаются как слова вне частей речи. [9, с. 605] Хотя во второй половине XX в. появляются мнения, что объединение междометий и звукоподражаний неправомерно, в большинстве болгарских и русских грамматик звукоподражания обычно представлены как разряд междометий (звукоподражательные междометия). В «Русской грамматике», приводится в некоторой степени двусмысленное определение звукоподражаний: «По ряду признаков к междометиям примыкают звукоподражания, представляющие собой условные преднамеренные воспроизведения звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом: *кхе-кхе, уа-уа, ха-ха-ха, хи-хи; кря-кря, ку-ку, чик-чирик, тяф-тяф; бац, бум, трах, чмок, хлоп, хрусть*». [9, с. 731] Не совсем понятно, являются ли звукоподражания междометиями или нет. Вполне возможно, что здесь формулировка «примыкают» заимствована у В.В. Виноградова. Ср. «... 9. К междометиям *примыкает* многочисленный и богатый разряд воспроизводящих или звукоподражательных восклицаний...» [1, с. 622] (*курсив мой – И. З.*)

В болгарской академической грамматике наблюдается подобный взгляд на междометия. Хотя они не рассматриваются как разряд междометий, в конце раздела о междометиях включается отдельный параграф, озаглавленный «Звукоподражательные слова» (§628). В нем авторы отмечают, что звукоподражания близки к междометиям, по традиции их обычно описывают как вид междометий, но в то же время они отличаются от них. Указана фонетико-морфологическая близость звукоподражаний и междометий. Далее в данном параграфе описаны фонетические особенности, характерные комбинации гласных и согласных, встречающиеся в звукоподражаниях. В целом, уделяется больше

внимания фонетической стороне этих слов, а не их семантике.[6, с. 473]

Станьо Георгиев тоже объединяет междометия и звукоподражания. Согласно определению междометий, которое он приводит, они являются словами, служащими для обозначения непосредственно выраженных эмоциональных реакций и побуждений или воспроизведенных природных, животных или человеческих звуков. Он говорит об эмотивной и изобразительной функции междометий как лексических единиц. [3, с. 131]

В своей книге «Българска граматика» Петър Пашов уделил чуть более страницы междометиям и звукоподражаниям. Он рассматривает звукоподражания как разряд междометий. Согласно классификации, предлагаемой им, он выделяет два класса междометий. Слова, выражающие различные чувства и волевые побуждения – восклицания, и слова, которые имитируют природные звуки (в том числе звуки животных и птиц) – звукоподражания, которые, как утверждает автор, в болгарской грамматике относятся тоже к междометиям. Отметим, что Пашов употребляет термин «звукоподражательные междометия». [7, с. 251]

К.А. Петрова предлагает компромиссную классификацию междометий «на основе сочетания структурного и функционально-семантического критериев на полевом принципе, с выделением прототипического ядра (эмоциональные и эмоционально-оценочные междометия - р. / б. *а, о, ах, фу*; р. *ой, тьфу*; б. *ей, и, ох, хей, я*; р. *ага, ого, увы, угу*; б. *аха, иха, уха*; р. *Э-хе-хе, Оп-па-ля*; б. *олеле* и т.д.) и структурированной периферии - р. *эй, ау, алло*; с! *ш-ш!, тсс! чи! пссс! цыц; кис-кис, кыш; Прыг! Стук! бух!* ; *буль-буль, цок-цок; гаф, кукареку* ; *хо-хо, хи-хи; Аллилуйя! Господи, помилуй! Светлая ему / ей память!»* [8, с. 145] В этой классификации в периферию включены разные разряды слов, в том числе и звукоподражания.

Болгарский исследователь В. Вытов рассматривает детально лексические и фонетические особенности болгарских звукоподражательных слов (автор называет их «изобразительными словами»). Им выявлено и исследовано 843 звукоподражаний болгарского языка, которые распределяются по фонетико-семантическим типам. Важно отметить, что в работе анализируются

и так называемые междометные глаголы, которые тоже включаются в класс звукоподражаний. В. Вытов также отмечает распространенное в болгарской лингвистике мнение о принадлежности звукоподражаний к междометиям и придерживается мнения, что звукоподражательные слова нельзя считать междометиями. [2]

Безусловно, проблема со статусом звукоподражаний осложняется дополнительно и тем, что некоторые междометия и звукоподражания практически совпадают по форме:

ТЬФУ 1. Употр. звукоподражательно для обозначения звука издаваемого при плевании. – *ТЬфу!.. тьфу!.. – отплевывалась старуха. – Провались ты со своим Вуколом Логинычем. (Мамин-Сибиряк). – ТЬфу! – сплюнул с негодованием Ярмола. – Вот еще добро нашли. (А. Куприн)*

ТЬФУ 2. Употр. для выражения неудовольствия, досады, разочарования и т. п. *Порой дождливою наведни Я, завернув на скотный двор... ТЬфу! Прозаические бредни, Фламандской школы пестрый сор! (А. Пушкин) [...] [Толкачев]: В третьем месте заплатит забудешь и за тобою гонятся со скандалом, в четвертом месте даме на шлейф наступишь ... тьфу! (А. Чехов)¹*

Подобная ситуация наблюдается и в болгарском языке, где для обозначения звука плевка существует слово *пфу* (с вариантом *пу*). Оно очень часто встречается в значении выражения эмоции.

- Млък! И още имаш уста да говориш! Не те е срам, хаирсъзин с хаирсъзин! Пфу! Като плю в лицето му, хаджи Койо изви гръб и запъхтян, закрачи тежко-тежко към църквата. (Чудомир)

Поне килограм фасул да може да се вземе. Един килограм само, но как, като остават още само два лева свободни, а тези разбойници го дават 8 лева? Пфу! Скъпотия! Безобразие!? (Чудомир) (Выражение возмущения)

Очевидно, что в таких случаях из двух омонимов первыми возникли звукоподражания. Лишь на более позднем этапе развития языка получилось переосмысление акта плевка и его символической сущности и выделилось междометие, которое уже не отображает

¹ Значения и иллюстративный материал приводятся по четырехтомному “Словарю русского языка” под ред. А.П. Евгеньевой

конкретный звук, а выражает имплицитно разного рода эмоции. Разумеется, звукоподражания отображают звуки действительности весьма условно, модифицированно, в соответствии с фонетической системой конкретного языка, с субъективным восприятием человека.

Г.Н. Гочев в книге «Современный русский язык - Морфология» выделяет звукоподражательные слова в отдельную часть речи. Интерес представляет, то, что в отличие от традиционного деления частей речи на знаменательные и служебные автор выделяет третью группу – коммуникативные части речи, куда включаются модальные слова, коммуникативные частицы, междометия и звукоподражания. [5]

В своей монографии, посвященной междометиям, И.А. Шаронов затрагивает проблему объединения междометий и звукоподражаний. Называя звукоподражания «иконическими знаками», он рассматривает вопрос о реальных причинах такого объединения. «Группа звукоподражательных слов традиционно, хотя и с оговорками, включается в междометия. Причины ... сводятся к нежеланию увеличивать количество частей речи в грамматической системе. Однако, у этих групп есть и общие признаки. Среди звукоподражательных слов отмечаются «пограничные» единицы» [11, с. 95 – 96] Далее автор указывает, на факт, что единицы *брр!*, *тьфу!*, *фу!*, *фи!*, *фюить!* и некоторые другие в академической «Грамматике русского языка» 1952 г. отнесены к звукоподражаниям, а в других работах эти единицы рассматриваются как междометия – на том основании, что передают различные эмоциональные состояния человека. Подводя итоги, И.А. Шаронов формулирует общий формальный признак, на основе которого объединяются звукоподражания и междометия – звукоподражательный характер при передаче на письме неязыковых звучаний. Междометия – это условные и преднамеренные письменные копии эмоциональных вокальных жестов человека, а звукоподражания – условные и преднамеренные копии всех прочих нечленораздельных звучаний. [11, с. 97]

А.И. Германович проводит четкую границу между междометиями и звукоподражаниями на примере слова *ха-ха* (с вариантами *хе-хе*, *хи-хи* и т. п.) Он различает смех рефлексорный, как

проявление первой сигнальной системы и смех как средство выражения каких-либо настроений и переживаний (вторая сигнальная система). [4, с. 30]

- *Чтобы отдать тебе мертвых душ? Да за такую выдумку я их тебе с землей, с жильем! Возьми себе все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старик-то, старик! Ха, ха, ха, ха! В каких дураках! Ха, ха, ха, ха! И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям.* (Н. Гоголь) (смех рефлекторный – первая сигнальная система – звукоподражание)

- *Хэ-хэ-хэ!* – смеялся Люттов гнусавым, дразнящим смехом. Клим изумлял этот смех, в котором не было ничего смешного, но ясно звучало дразнящее нахальство. (М. Горький) (смех, выражающий отношение к чему-либо – вторая сигнальная система – междометие)

Ниже для сравнения приведем пример употребления болгарского *ха-ха-ха*:

- *Ха, ха, ха...- следваше той да се смее неудържимо.* (И. Вазов) (смех рефлекторный – первая сигнальная система – звукоподражание)

Для правильного определения значения, а, следовательно, и для правильного отнесения единиц подобного рода к звукоподражаниям или к междометиям в письменном тексте необходимо опираться на широкий контекст, хотя довольно часто даже он не подсказывает значение. Разумеется, в устной речи, при наличии жестов, мимики, интонации это значение определить намного легче.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в грамматической науке все еще не уделяется нужное внимание проблеме разграничения звукоподражаний и междометий. Хотя в последние десятилетия появляются мнения, что такое разграничение необходимо, и некоторые исследователи даже обособляют звукоподражания как отдельную часть речи, чаще всего в болгарских и русских грамматических трудах звукоподражания либо рассматриваются как разряд междометий, либо как группа слов, примыкающая к междометиям, либо как слова вне частей речи. Причины, препятствующие разграничению, связаны со сходством (а иногда и полным совпадением) внешней формы, с существованием

так называемых «пограничных» (по определению И.А. Шаронова) слов типа *брр*, *фи* и т.п., с омонимией междометий и звукоподражаний, с нежеланием большинства лингвистов увеличивать количество частей речи.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.
2. Вьтов В. Лексическа и фонетико-семантическа характеристика на звукоподражателните думи в българския език. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Велико-Тырново, 1977.
3. Георгиев Станьо. Морфология на българския книжовен език. – Велико-Тырново: Издателство на ВТУ, 1999. – 399 с.
4. Германович А.И. Междометия русского языка. – Киев. Радянська школа, 1966 – 169 с.
5. Гочев Г.Н. Современный русский язык – морфология. – Велико-Тырново: Издателство на ВТУ, 2001. – 412 с.
6. Граматика на съвременния български книжовен език в 3 т. – София.: Издателство на Българската академия на науките, 1980. – т. 2. – 511 с.
7. Пашов Петър. Българска граматика. София: Хермес, 2011. – 456 с.
8. Петрова К.А. Релятивы в обучении РКИ. // Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования. Часть 1: материалы IV Международной научно-практической конференции (21–22 ноября 2013 г., Россия, Ростов-на-Дону). – Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. – 372 с. – С. 145-149.
9. Русская грамматика. в 2 т., ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – т. 1. – 784 с.
10. Современный русский язык. под. ред. Белошапковой В.А. – М.: Азбуковник, 2002 – 926 с.
11. Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. – М.: РГУ, 2008 – 296 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Захариева Ирина Петровна
Доктор по русской литературе,
доцент
СУ им. Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: irina_zaharieva@abv.bg

Zaharieva Irina Petrovna
Associate Professor Doctor of Russian
Literature
Sofia university «St. Kliment Ohridski»
Bulgaria, Sofia
e-mail: irina_zaharieva@abv.bg

И. П. Захариева

СЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОМУ КАНОНУ И ЕГО ОБОГАЩЕНИЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Изложенное в статье подразделяется на два хронологических этапа – первой и второй половины XX века. Применительно к первой половине века анализируется специфическая потаенная поэтика, преемствующая и обогащающая национальную традицию. Во второй половине века выступает на первый план русская альтернативная культура советской метрополии, связанная с активной гражданской позицией писателей. Уделено внимание деятельности русских эмигрантов по сохранности связей с отечественной традицией. Подчеркивается единство литературно-художественного процесса в двадцатом столетии. Обозревается модель литературы, формирующейся в согласии с нормами национального канона в его непрерывной динамике.

Ключевые слова: национальный канон, хронологические этапы, индивидуальная потаенная поэтика, гражданская позиция писателей, модель литературы.

I.P. Zaharieva

FOLLOWING THE NATIONAL CANON AND ITS ENRICHMENT IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE SOVIET METROPOLIUM

Abstract. The foregoing is divided into two chronological stages - the first and second half of the twentieth century. Applied to the first half of the century, a specific secret poetics is analyzed, which successively enriches the national tradition. In the second half of the century, the Russian alternative culture of the Soviet metropolis comes to the forefront, connected with the active civic position of writers. Attention is paid to the activities of Russian emigrants on the preservation of ties with the domestic tradition. The unity of the literary and artistic process in the twentieth century is underlined. A model of literature is being surveyed, formed in accordance with the norms of the national canon in its continuous dynamics.

Keywords: a national canon, chronological stages, an individual secret poetics, a civic position of writers, a model of literature.

Время развития русской литературы советского периода исчисляется семидесятилетием существования советской системы, распавшейся *без вмешательства извне* в конце восьмидесятых годов двадцатого века. Семидесятилетие распадается на два хронологических отрезка. Первый захватывает двадцатые, тридцатые, сороковые и начало пятидесятых годов, где ориентиром служит смерть Иосифа Сталина, вдохновителя законопорядков послереволюционного государства /умер 5-го марта 1953 года/. Второй хронологический отрезок объединяет пятидесятые, шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы, конец которых ознаменован крахом социалистической системы в стране. При хронологическом укрупнении мы пользуемся краткими обозначениями: *первая половина XX века и вторая половина XX века*. основополагающее значение для нас имеет **время создания** художественных произведений как наиболее автентичное выражение отношения автора к изображаемому в связи с переживаемой реальностью.

Первый хронологический отрезок побуждает писателей сосредоточить духовное противостояние господствующему насилию на **индивидуальной поэтике** – системе приемов завуалированного, образно преображенного выражения личностного отношения авторов к событиям, происходящим в стране. Неотступной заботой творца, кроме теснейшей связи с проблемами социума, являлось следование предписаниям классического канона с целью его сохранения и возможного усовершенствования. Процесс эстетического развития русскоязычной словесности на отечественной почве породил две ведущих тенденции. Речь идет о разнородных творческих тенденциях. В центре нашего внимания оказывается проза, более тесно связанная с реалиями повседневности, по сравнению с поэзией.

Первую тенденцию условно обозначим как создание **«прозы художественного синтеза»** [4, с.197]. Воплощение тенденции стало возможным как прямое продолжение в писательской практике традиций дореволюционного Серебряного века, а Серебряный век был связан в России с разносторонним подъемом поэзии. Поэзия

оставила в наследство прозе трехплановый вектор движения. Обособим составные части трехслойного вектора: во-первых, символизированная философичность, включающая и мистическую наполненность /связана с художественным направлением символизма/; во-вторых, отображение реальности в формах самой жизни / преемственность от школы акмеизма/ и, в-третьих, абстрактное искусство, связанное с направлением футуризма с его яркими образцами в поэзии и живописи. Развитие и трансформацию этих трех творческих ипостасей искусства мы и наблюдаем в российской прозе первой половины XX века.

Элементы художественного синтеза в отдельном произведении и в творчестве отдельного писателя проявились особенно четко в первой трети девятнадцатого века в период европейского романтизма. Они получили теоретическое обоснование у немецких романтиков. Август Шлегель писал по этому поводу, что, в отличие от античного искусства с его „разграничением неоднородного», „романтическую поэзию удовлетворяют все неразложимые соединения» [5, с.250].

В основе синтеза в литературе и искусстве Серебряного века заложены многообразные формы символизации изображения и выражения. Фридрих Шеллинг, выразитель романтической философии искусства, в первой половине девятнадцатого века рассуждал о совершенстве романтического образа в связи с его способностью вмещать в зримые формы универсальный смысл бытия [7, с. 40]. Смысловую содержательность символического образа раскрывал и Михаил Бахтин [2, с. 128].

В русской литературе начала XX века принципы символизма, как художественного направления, воспринимались широко и приводили к умозаключениям о символической природе искусства.

В двадцатых-тридцатых годах черты символистской поэтики обнаруживаются в романах Александра Грина /«Бегущая по волнам»/, Михаила Пришвина /«Кашеева цепь»/, Михаила Булгакова /«Мастер и Маргарита»/, Бориса Пастернака /«Доктор Живаго»/. Присущая символизму связь пластической образности с обобщенным психологическим и философским подтекстом сближают эти произведения.

Символизм в России связан с христианским мировоззрением, с библейской и евангельской мифологией. Христианское мировосприятие сохранялось у исследуемых прозаиков советского периода в двадцатых-пятидесятых годах, когда пропагандировался атеизм. Две эстетических концепции очерчивались в прозе, склонявшейся к символизации изображаемой картины жизни: обогащение искусства действительностью /Пастиернак/ и совершенствование действительности искусством /Пришвин/.

Прозаиков, сформировавшихся в первые десятилетия XX века, отличало – вместе с широким пониманием символической природы искусства - понимание импрессионизма и экспрессионизма в отдалении от модернистской сути этих западно-европейских художественных течений. Импрессионизм и экспрессионизм воспринимались как средства выразительности, используемые и в реалистических, и в романтических произведениях [1, с. 2.]. Романтизм воспринимался как заострение реализма.

Индивидуальные стили получили полную свободу выражения в реализме [6, с. 163]. Применительно к исследуемому периоду невозможно говорить о чистоте жанра. Каждый прозаик стремился видоизменить традиционный жанр и подчинить его своей творческой задаче /сказки о современности Андрея Платонова, структура классического любовного романа с функциями социальной «антиутопии» у Евгения Замятина и пр./.

В способах повествования переплетаются публицистичность и художественность, лирика и эпика, романтическое и реалистическое начала. Синтезирование осуществляется как на уровне идей / Михаил Зощенко, Юрий Тынянов/, так и на уровне форм /Александр Грин, Владимир Набоков/. Стилевой синтез становится привычной принадлежностью авторского текста /Михаил Булгаков, Андрей Платонов/. Одновременно с символически окрашенной многослойностью реализуется и тенденция предельной упрощенности стилевого выражения /Даниил Хармс, Виктор Шкловский/. Продолжающийся развиваться стиль «поэзии в прозе» наследует классическую тургеневскую традицию / Иван Бунин, Борис Зайцев/.

В произведениях с романтическими тенденциями обыкновенно выделялась авторская позиция, оппонирующая отображаемым явлениям действительности /«Конармия» Исаака Бабеля, „Зависть» Юрия Олеши/. В романтизированной прозе Марины Цветаевой аура автора, проникающая повсеместно, образовывала желанное пространство духа – в противовес отторгаемому реальному пространству чужбины.

Фантастические формы, используемые в символистском наполнении, - ради смыслового заострения содержания произведений, - приносили эстетический эффект углубления философичности и психологизма при разработке проблем существования социума /в прозе позднего Александра Грина/. Фантастике вверялись прогностические функции с целью предостережения от отрицательных последствий внедрения коллективистского сознания в обществе / роман „Мы» Евгения Замятина/.

Приверженность прозаиков к зашифрованной системе изображения стала явственно проявляться со второй половины двадцатых годов и заметно возросла в тридцатые годы. Для целей зашифровки разрабатывались приемы модного в те годы конструктивистского стиля, распространившегося в европейском искусстве. Об утверждении конструктивистского принципа в литературе и выработке конструктивистских приемов писали Виктор Шкловский и Борис Эйхенбаум [8, с. 392].

В самых представительных романах 30-х – 40-х годов – «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова и «Доктор Живаго» Бориса Пастернака – в соответствии с условиями времени создания этих произведений – оформился новый тип романного конфликта. Предлагались вариации мифологемы земной жизни Христа, его гибели и последующего возрождения его духа. Христианская мифологема использовалась в качестве аналогии при толковании антигуманных коллизий современности. Юрий Домбровский в романе 1964-1975 годов „Факультет ненужных вещей» воспроизводил тот же самый конфликт. Через судьбу своего автобиографического героя Георгия Зыбина – хранителя древностей

– он показал, что подвиг Иисуса Христа повторяется из поколения в поколение.

Между тем прозаики, посвятившие себя юмору и сатире, изыскивали более изощренные формы оценки современности. Они конструировали литературную маску повествователя в потаенно-сатирическом ключе и передоверяли этой маске вынесение авторского приговора неблагоприятному общественному бытию /образ Остапа Бендера у Ильфа и Петрова, образ рассказчика у Зошенко/. Проза тех лет представляла также принципы выражения в шутивно-разговорной форме серьезного и глубокого содержания /Зошенко, Ильф и Петров, Олеша, Хармс/.

В системе русской **прозы художественного синтеза** / как мы ее наименовали/ обнаружались следующие основные компоненты:

- *романтический* / в том числе мистически окрашенный/;
- *лирический* / включая лирико-эпический/;
- *фантастический* / в том числе мифологический/;
- *сатирический* / завуалированный, нередко с привлечением фантастики в качестве метафорического прикрытия/.

Как показал анализ творчества писателей - с применением в каждом отдельном случае приемов дифференцированной описательности [4, с.189], синтез проявился на всех уровнях творческой системы прозы двадцатых – первой половины пятидесятых годов: на уровне *идейно-содержательном, сюжетно-композиционном, образном, жанровом и стилевом*. Синтез проявился также в *способах повествования* и в *сближении с иными видами искусства* – с живописью, музыкой, архитектурой, с искусством драмы и кино.

Со второй половины 1950-х годов, когда вместе с проводами сталинской эпохи наступила „оттепель», т.е. „размораживание» общественной атмосферы в стране, заявила о себе *русская альтернативная культура советской метрополии*. В новой обстановке проявления этой культуры были связаны не с *поэтикой* создателей художественных произведений, а с *гражданской позицией* их авторов.

Передал в Италию свой роман „Доктор Живаго» для скорейшей публикации Борис Пастернак. Публиковались во Франции

под псевдонимами Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Деятели литературы и искусства показывали свою готовность к личному самопожертвованию во имя защиты гуманитарной культуры.

Обрела голос т.наз. «эстрадная поэзия», жаждущая публичной сокровенности /Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский/. Появились в подмосковном селении Лианозово поэты и художники, создатели т.наз. „барачного» искусства с его аскетизмом и антипафосностью. Театральной трибуной „второй культуры» воспринимался Театр на Таганке с режиссером Юрием Любимовым. Будили общественную совесть поэты-барды Александр Галич и Владимир Высоцкий. Журнал «Новый мир» с Александром Твардовским на посту главного редактора в шестидесятые годы ратовал за полную реабилитацию истины в искусстве слова. Заявило о себе течение московских концептуалистов семидесятых годов. Отечественные диссиденты отправлялись в эмиграцию для продолжения на новом месте своего созидательного и издательского дела. Бесцензурную издательскую деятельность с середины шестидесятых годов осуществлял в стране Самиздат; помогали оппозиционным отечественным издателям организаторы зарубежного Тамиздата – супруги Карл и Элендея Профферы с их издательством «Ардис», обосновавшимся в американском городе Анн-Арбор.

Альтернативная культура утверждалась, призванная изменяющейся жизнью. Она явилась воплощением тенденции целостной борьбы с тоталитарным советским мышлением, и победа осталась за нею.

Показательно следование этой *второй* культуры традиционным эстетическим образцам, что позволяло ей оставаться носителем динамично развивающегося художественного канона.

Значимое место в процессе формирования долговечной словесности XX века имела деятельность литературной эмиграции. Знаменитая формула супругов Зинаиды и Дмитрия Мережковских, собиравших в своей парижской квартире соотечественников в период между двумя мировыми войнами, звучала пафосно - *Мы не в изгнании – мы в послании*. И эта формула соответствовала действительному положению вещей.

Когда широкий поток российских интеллигентов хлынул на Запад вслед за «Философским пароходом» 1922 года, эмигранты «первой волны» своей гуманитарной деятельностью осуществляли миссию сохранения и продолжения традиций канонической отечественной культуры.

Внушительная критическая масса русских читателей на чужбине / в первую очередь в Берлине и Париже / убеждалась в возможности развития русскоязычной поэзии, прозы, критики, публицистики на иноземной почве. Неудовлетворенность создателей зарубежной русской литературы двадцатых-тридцатых годов объяснялась естественной ограниченностью числа потенциальных читателей – при индифферентном отношении местного населения к темам и проблемам чужой для них словесности.

Взросшие трудности творческой самореализации в полной мере испытали на себе представители молодого поколения в эмиграции, назвавшие себя в интерпретации литератора Владимира Варшавского «незамеченным поколением»[3, с. 28]. Вторая мировая война побудила множество русских переселенцев к переезду из Западной Европы в Соединенные Штаты Америки. Центр обитания русскоязычных гуманитариев переместился в Нью-Йорк.

В сороковые послевоенные годы возникло явление сокрытия подлинных имен авторов печатных публикаций за псевдонимами по причине боязни быть обнаруженными советскими агентами за границей.

В пятидесятых-шестидесятых годах зарядили даты умирания заграничных носителей родного языка. Эмиграция старшего поколения физически вырождалась. Оставшиеся в живых теряли язык в том смысле, что оказались на много лет изолированными от жизненных реальностей в советской метрополии, что высушивало язык – чувствительный и подвижный организм отображения текущего бытия.

Эмиграция „третьей волны» /семидесятых – восьмидесятых годов/ означала лишь внешнее перемещение русских литераторов в мировом пространстве. Перебравшись в желанные для бесцензурного творчества места, писатели – свидетели текущих событий, вооруженные живым языком, достойно выполняли свою задачу

адекватного осмысления жизненных реальностей в противодействии социальной мифологии, царившей на родной почве вплоть до конца 1980-х годов.

Для писателей-эмигрантов «третьей волны» основные трудности состояли в существенном сужении круга русскоязычной читательской аудитории за рубежом. Поэтому в девяностых годах сами авторы постарались стимулировать процесс публикации собственных произведений в постсоветской России.

По сути восстанавливалась литература эмиграции XX века как сохраненная национальная ценность. Миссия русских эмигрантов выполнялась в непрерывном психологическом преодолении драматизма существования творцов в социальной изоляции.

В 1990-х годах термин «литературная эмиграция» потерял свою актуальную наполненность и стал историческим термином. В настоящее время мы говорим о зарубежных русскоязычных писателях, доступ к которым широко открыт благодаря новейшим технологиям.

Русская литература XX века настолько разнообразна по своим мыслеформам, что, несомненно, в дальнейшем при изучении образовавшегося литературного *массива* потребуется целенаправленное движение от проникновенного анализа творческой практики индивидуумов к типологизированным обобщениям. Нас ожидают не глобальные схемы, а филигранные *рисунки рельефа* этой многострадальной литературы, сохранившей величие национальной и мировой души.

Канон может быть уподоблен мощному магниту, притягивающему феномены художественности и формирующему из разнородного массива образ литературы как непрерывно обновляющейся носительницы традиций. Происходит закономерное встраивание модели литературы, соответствующей канону, в определенный литературный ряд, где правила диктуются культурной преемственностью, начиная с истоков. Устремленность к достижению канона динамична, а наименование „классика» / от лат. *classicus* – образцовый / - это достигнутая статика, т.е. результативная оценка корпуса произведений, признаваемых каноническими. Принадлежность отдельного произведения к классике означает, что

на высшем уровне профессионализма распознана долговечная творческая модель, обладающая возможностью воздействия на развитие литературы будущего. Каноническая модель воздействует своими глубинными смыслами и оригинальной образностью; воздействует формальными новшествами, наконец концепцией стиля, обогащающего национальный язык. Совершается поступательное движение в мире *высокого* искусства, а высокое искусство определяет направленность развития *массового* искусства.

В переживаемый нами период для исследователей литературы на первый план выступает задача адекватной реакции на художественный процесс, протекающий в рамках определенного исторического времени, а также умение аналитиков вербализировать особенное, уникальное вместо готовности к поспешной категоризации новых феноменов.

В русскоязычном XX веке создавалась литература *количественно* более креативная и разносторонняя, чем в классическом девятнадцатом веке. Осмысление частностей на материале развивающейся литературы продолжается; будем содействовать этому продолжению и смысловому углублению, помня о том, что стремиться к завершенности истолкования так же нелепо, как говорить о конце словесности.

Библиографический список

1. Асмус В.Ф. Творческая эстетика Б.Пастернака // Борис Пастернак об искусстве. М. – Искусство, 1990. – 400 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: Русский путь / Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына, 2010. – 544 с.
4. Захаријева И. П. Художественный синтез в русской прозе XX века /20-е – первая половина 50-х годов/. София, „Библиотека 48», 1994. – 254 с.
5. Берковский Н.Я. Литературная теория немецкого романтизма. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934. – 329 с.
6. Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. – 585 с.
7. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. – 496 с.
8. Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. – 541 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Янкова Елена Димитрова
Преподаватель
Лесотехнический Университет
Болгария, г. София
e-mail:yankova@ltu.bg

Yankova Elena Dimitrova
lecturer
University of Forestry
Bulgaria, Sofia
e-mail:yankova@ltu.bg

Е.Д. Янкова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОЙ ФИТОНИМИИ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена некоторым лингвокультурологическим особенностям и характеристикам процесса номинации трав и лечебных растений как в русском литературном языке, так и в русских народных диалектах и его сопоставление с аналогичными названиями в болгарском языке .

Ключевые слова: лингвокультурология, фитонимия, травы , процессы номинации трав и лечебных растений

E.D.Yankova

LINGUOCULTUROLOGICAL FEATURES OF PLANT NAMING IN RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

Abstract. The article is devoted to the study of linguoculturological features of nomination of plants in the Russian literary language , in the Russian dialects and to compare them with the Bulgarian analogical nominations..

Keywords: linguoculturology, plant naming, herbs, processes of nomination of herbs and healing plants

Лингвокультурологические особенности исследования фитонимов позволяют проследить специфику в преломлении внеязыковой действительности в языке того или иного этноса. В этом плане интерес представляют исследование особенностей номинации (эмоционально-ценностные, образные и другие аспекты мотивационных признаков, закономерностей и модели, принципы и способы номинирования флоры) на материале названий растений. Сравнение этих процессов в разных языковых, этнокультурных сообществах позволяет раскрыть явления заимствования и переноса названий из одного языка в другой и т.д.

Если для научной терминологии требуется однозначность в определении понятия, без эмоционально-экспрессивных компонентов, выражения модальностей отношения говорящего к называемому, то народная фитонимия, как разряд конкретной лексики может обладать коннотациями разного рода.

Фитонимы в лексико-семантической системе диалектов могут выполнять не только номинативную, но и прагматическую, оценочную, экспрессивную и прочие функции. Таким образом народные названия растений можно рассматривать как одну из семантических общностей в составе конкретной лексики, т.е. имеет статус обширной лексико-семантической группы. Данные принципы реализуются и в отдельных названиях фитонимов и в литературном языке, но ярче, образнее, многочисленнее проявляются в диалектных названиях.

Подробная аргументация выбора именно такого наиболее конкретного уровня категоризации в названиях растений дает Катажина Попова в своей монографии, посвященной когнитивному и лингвокультурологическому анализу названий деревьев и кустарников в языковой картине мира (на материале славянских и литовского языков) [Попова 2010]. Она ссылается на разговорную этнобиологическую таксономию Б.Берлина и на когнитивные работы А.Вежбицей, чтобы показать, что уровень разговорных родов, разговорных видов и народных разновидностей наиболее информативен с лингвокультурологической точки зрения [Попова 2010, с.17-18]. Так, например, первые три уровня абстракции в категоризации мира в названиях – 1) начальный уровень – растение, 2) форма жизни – *дерево, куст*, 3) средний уровень – *иглолостные, широколиственные деревья* – терминологические названия и несут мало культурной информации, а нижние в иерархии, более детальные названия более информативно нагружены – 4) уровень родов – *дуб, верба*, 5) уровень разговорных видов – *б. зимен / летен дъб, горун*, 6) уровень народных разновидностей – *б. плачеца върба* [там же, комментарии наши]. Поэтому и в подборе материала мы работали преимущественно с названиями в литературном языке и с народными, диалектными названиями дикорастущих и лечебных трав.

Выделение структурно-семантических типов позволяет представить систему номинаций фитонимов в виде типизированных моделей. По структурным особенностям фитонимы могут быть распределены по двум группам: однословные и составные наименования. При этом однословные практически могут быть развернуты в многословные, и наоборот, в соответствии с принципом экономии речевых средств аналитические наименования служат базой для создания нерасчлененных названий. Ср., например, :р. *богородская трава* – *богородичник, богородка*; *волчья нога* – *волконог*; *синий цветок* – *синецветка* и др.; б. *обикновен блатняк* – *блатниче*, *гергьовско цвете* – *гергьовче*,

Большая часть фитонимов представлена двусловными субстантивными словосочетаниями, построенными по схемам:

а. Качественное прилагательное + существительное :

р. *белая полынка, желтая ромашка, красный воронец* и т.п. **б.** *червена ружа; бял равнец*. Между членами таких словосочетаний устанавливаются атрибутивные отношения, прилагательные характеризуют обозначаемое по признакам разного рода: по цвету – **р.** *желтый осот, седая полынь*; **б.** *жълт кантарион, червена боровинка*; по характеру поверхности – **р.** *колкая трава, слизкая трава, жирная трава*; **б.** *:бодлив залист (див чимшир), мазниче тлъстига*; по форме – **р.** *кругленькая травка, острый лист*; **б.** *теснолистна върбовка, широколист / теснолист живовляк*; по запаху – **р.** *пахучая трава, благовонная трава, душистый горошек*; **б.** *миризлива теменуга, горско миризливче*; и т. п.

б. Относительное прилагательное + существительное:

Прилагательные в составе таких сочетаний выражают следующие признаки: пространственный – **р.** *польская полынь, болотная былина, луговой чай, водяной укроп*; **б.** *планинска чубрица, блатна перуника, водна мента*; временной – **р.** *майская травка, осенняя звездочка, ночная фиалка*; **б.** *пролетно еньовче, вечерниче*; функциональный – **р.** *геморроидальная трава, запарная трава* – такая, которую запаривают и пьют вместо чая; **б.** *слабителна зърника; пикливче [Euclidium syriacum]* – отвара используется против мочеиспускания детей;

в. притяжательное прилагательное + существительное:

р. адамов корень, бараний цвет, воробьиное семя и т. п.; *б.* венерин косъм, дяволска уста, зайча сянка, врабчови чревца и т.д.

Притяжательные прилагательные в широком смысле выражают значение «имеющий отношение к предмету, названному мотивирующим словом», которое конкретизируется рядом частных значений: (1) «похожий на предмет, названный мотивирующим словом»: *р.* бараний язык, гусиные лапки, козья морда; *б.* еленски език, волски език [*Phyllitis scolopen-drium* (L.) Newm.], овча опашка (*Digitalis lanata* Ehrh.), вранско око (*Paris quadrifolia* L.), врабчови чревца; (2) «предназначенный для предмета, названного мотивирующим словом» *р.* свинячя травка, коровья еда, *б.* свинска / пача трева и т.д.

Принципы номинации растений. Любая номинация растений имеет в своей основе причину или основание, которые можно рассматривать как мотивы для наименования растений. Они могут быть разными, допустим, особенности самих растений и их частей, их функции и их применение. В результате процесса наименования слово получает определённое место в лексической системе языка.

Полное лингвистическое описание лексических единиц языка невозможно без обращения к теории номинации, к настоящему времени сложившейся в языкознании. Теория номинации связана, прежде всего, с выяснением того, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования за разными фрагментами объективной реальности.

Номинация – это «образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц – слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [Телия 1979, 162].

Донаучное (наивное) знание о реалиях окружающего мира воплощается в языковом знаке прежде всего через его внутреннюю форму, отражающую важные для опознания растений признаки.

Поскольку номинативный процесс имеет антропоцентрический характер (все обозначаемое соотносится с человеком и его

деятельности), признаки, положенные в основу наименований, могут отражать не только существенные свойства растений, но и периферийные или ситуативно обусловленные или даже такие, которыми они на самом деле не обладают, которые приписывает этому растению номинатор, а также эмоциональные состояния человека, связанные с воздействием на него того или иного растения. (ср. *мышьяк* однословный вариант названия *мышинный горошек* – кормовое растение характеризуется как „ядовитое» под влиянием ложноэтимологического сближения названия со словом *мышьяк* – яд) [Коновалова 2001, 14].

Таким образом, одно и то же растение может быть названо по разнообразным мотивационным стратегиям и моделям в пределах одного языка в разных диалектных его формах или в разных языках в сопоставительном плане. Следовательно, номинативные признаки могут быть обусловлены историческими, культурными, социальными условиями, ситуацией, и психологическими факторами: состоянием субъекта, его ассоциациями, уровнем его языковой компетенции.

Кроме изучения количества и качества признаков, положенных в основу наименования того или иного предмета, лингвистический интерес представляет явление **гетерономинативности**, которое заключается в наличии нескольких наименований у одного денотата [Хатхе, 2010, с.25]. Неоднозначно название растения и в плане лингвогеографическом. Одним и тем же словом в разных местностях называют разные растения или одно и то же растение имеет несколько названий.

Исследователи разделяют признаки номинации на две условные группы: I) обусловленные объективными факторами и II) в большей степени связанные с субъективными факторами номинации. [Коновалова 2001, 14].

Объективные факторы обусловлены реальными свойствами растений и конкретными знаниями человека о них, стремлением номинатора отразить в названиях значимые признаки для их идентификации и практического использования.

Субъективные факторы номинации обусловлены этнокультурными, мифологическими, сакрально-религиозными

верованиями и другими эмоциональными мотиваторами, направляющие номинатора в поиске и выборе обозначаемого.

Объективные факторы в номинации фитонимов.

В первой группе наиболее частотным является принцип номинации по характерным особенностям внешнего вида растения.

Нередко растение получает название на основании своей формы или формы какой-либо из своих частей. Разнообразные формы цветов, корней и других органов растений способствовали их сравнению с различными предметами. Частными проявлениями этого принципа являются:

а) сходство по форме растения или его части с другим растением, животным или частями их тела: например: *р. морковник, соколиные глаза, гусиные лапки; б. гълъбови очички, лъвска муцунка, кученце.*); Этот же принцип номинации с добавочным значением „похожий на какое-либо растение, но не настоящий, другой», реализуется с помощью лексики *дикий р. дикая крапива, дикий лук; б. див чесън (леворда), див морков (гулия), червени диви череши (червени боровинки)* и т.п., а также с помощью притяжательных прилагательных, производных от названий животных *р. конский щавель, журавлиный горох, мышиний горошек; б. вълча ябълка, куче / мечо грозде*; в отличие от русского (*дикая крапива*), в болгарском языке появляется новый номинативный признак: *б. мъртва коприва*, т. е. ненастоящая, не живая, не жжет.

б) сходство растения с человеком и частями его тела:

р. растение с яйцевидно-ланцетными листьями имеет название *сердечник; пять пальцев* – растение, корень которого, обладающий целебными свойствами, имеет форму ладони с растопыренными пальцами; *б. бабини зъби*, [Tribulus terrestris], *момино сърце* [Dicentra spectabilis (L.)].

в) сходство растения с предметами быта: растение, имеющее округло-яйцевидные листья, напоминающие монету, называется *копеечник*; растение с плодами в форме кувшина имеет название *кувшинка; башмачок, сапозжки* – по сходству цветков с обувью; *б. парички* [Bellis perennis], *камбанки, вълнист напръстник* и др.

г) цвет растения и его частей: цвет может быть назван прямо в названии растения *р. белолістка 'белокръльник болотный'*; В

названиях *белый корень, чернолист, желтостебельник, красноцветник* закреплены признаки „белый, черный, желтый, красный цвет», которые передаются прямым способом номинации с помощью сложных (двухкорневых) лексем и номинативных сочетаний, где один компонент называет часть растения, второй – признак, присущий этой части; *б. жълтурче, бял оман, синя тинтява, червен кантарион*.

В основе многих фитонимов лежит характеристика по цвету, основанная на установлении сходства. Так, растение с черными плодами, напоминающее ворону, называется *воронец*. Растение *солнцецвет* названо по желтой окраске цветов, похожих на солнце. Растение *горицвет* получило свое название по внешнему виду – цвету бархатисто-малиново-красных лепестков, напоминающих горящий огонь — ср. *б. огнивче* [*Anagallis arvensis*].

По времени цветения (для цветущих травянистых растений): *р. веснянка; зимоцветка; вечерница; первоцвет, поздноцвет*; ср. *б. пролетен / есенен минзухар*.

д) признак номинации растений по вкусовым качествам: . признак „горький» закреплен в фитонимах *горечавка, горечь, горчица, «лютик»*; признак „кислый» - в названиях: *кислица, кислокоренка, лимонник* (растение не похоже на лимон ни по запаху, ни внешне, но листья очень кислые, что дало основание для сравнения с лимоном); *б. горчивка* [*Gentiana cruciata* L.] *киселец* [*Rumex acetosella* L.], *сладун* [*Polypodium vulgare* L.], *лютиче* [*Polygonum* L.].

е) признак номинации по запаху: реализуется признаком общего характера – „обладающий запахом» *р. (пахучка, пахучая трава, душистый горошек)* так и с более дифференцированными признаками „имеющий сильный запах» (*сильнопахучка*); „приятный запах» (*благовонник*); „неприятный запах» (*вонючка, смердячка, зловонка, курятник вонючий*). В подобных номинациях содержатся и оценочные коннотации; *б.миризливче* [*Acinos suaveolens*],

ж) специфические особенности: жгучесть. Растения, способные вызвать ожоги, волдыри на коже, получали соответствующие названия. Так, обычные названия для крапивы - *р. жальница, жгучка*. Различные виды лютиков получили названия

прыщинец, нарыв, нарывная трава. Ядовитым растениям давали соответствующие названия: *бешанец 'белена черная', дурнопьян 'дурман вонючий'; б. парлива коприва*

з) топонимические номинаторы: место произрастания растений находит отражение как в конкретных названиях, так и в собирательных обозначениях (*болотный былец, болотная былина; подорожник; луговик, лужайник, лужайка* –любая луговая трава; *водяник, водянка* – любая трава, растущая в водоемах или по берегам; *б. подрумиче (Anthemis L.), пореч (Borrago officinalis L.), каменарче (Draba aizoides L.)*. Можно отметить межъязыковую асимметрию во внутренней форме: р. *подорожник`* растет по дороге, вдоль дороги` - б. *жиловляк, живовляк`* есть жилы в листьях; раны быстро заживают`.

и) номинование по характеру использования растения: Это большая группа фитонимов, где большое влияние на выбор названия оказывают внешнелингвистические факторы.

-одна из больших подгрупп в этой лексической группе - растения, применяемые в народной медицине: с древних времён все народы, населяющие планету, широко использовали различные растения для медицинских целей, что нашло отражение в процессе их номинирования.

- фитонимы, с обозначением болезни, от которой излечивает трава: *испешная трава* – для лечения лошадей (*исплек* – вывих плеча у лошади); *кильная трава* – применяется при лечении грыжи (кила- грыжа, опухоль); *урочная трава* – растение, которое запаривают для приготовления питья, лекарства для детей от сглаза (ср. *урекать* – испортить недобрым завистливым взглядом, сглазить, испортить кого знахарством, наслать болезнь [Даль т.4, с. 508].

В болгарском языке наблюдается аналогичный признак: б. живеница (*Scrophularia alata Gilib.*), охтивче (*Agrimonia eupatoria L.*), синапче (*Herniaria glabra L.*), трескавче (*Centaureum umbellatum L.* слабителна зърника; пикливче [*Euclidium syriacum*] - отвара используется против мочеиспускания детей;

Иногда номинативный признак указывает на отдельные симптомы болезни, например: р. *трясучка* – название травы, помогающей при высокой температуре, когда больного знобит (= трясет); *чихотная трава* применяется от простуды, часто

сопровождаемой насморком и чиханием. Признак может указывать на части тела, для излечения которой предназначена трава: *глазун*, *очанка* (для лечения глаз) *почечник*, *почечная помощь*; *суставник* (от ревматизма, боли в суставах). **б.** *глистна трева* [А. Cina], *очанка*, *очемилка* [*Euphrasia officinalis*] -

Поскольку каждое растение обладает более чем одним признаком, оно может иметь несколько целей применения. Так, *чистяк* 'чистотел большой' применялся от язв, лишаев, бородавок и кожных сыпей; в то же время, имея желто-оранжевый сок, он считался средством от желтухи.

Красный цвет наделялся свойствами оберега, а также исцелителя от болезни, поэтому важную роль в народной медицине и магии играют растения красного цвета. Причина, вероятнее всего, в том, что красный - это прежде всего цвет крови и огня.

Характерно, что растения, обладающие одним и тем же свойством, могут получать одинаковые названия и нагружаться сходной символикой, а также использоваться схожим образом (так, *грыжной травой* называли и *очиток*, и *горечавку*, употребляя оба растения от грыжи). И наоборот, одно и то же растение в зависимости от того, какой признак замечен и выделен в нем в той или иной локальной традиции, обладает несколькими названиями и применяется с разными целями (например, *репейник* мог называться *колючки* (из-за колючих плодов), *лепушка* (по способности плодов цепляться к чему-либо), *лопух* (из-за широких листьев).

- подгруппа растений, используемых в пище людей и на корм животных: *борщевик* (листья этой травы кладут в борщ вместо капусты); *свиньяча травка* (травку подмешивают в корм свиньям, чтобы у них улучшился аппетит), *коровья еда* (луговое растение для корма крупного рогатого скота). **б.** *пача трева* (*Polygonum aviculare*) - *гъскина трева*, *кокоша билка*, *паче жито*.

Вторая группа- **субъективные факторы номинации**, как уже упоминалось выше обусловлены этнокультурными, мифологическими, сакрально-религиозными верованиями и другими эмоциональными мотиваторами, направляющие номинатора в поиске и выборе обозначаемого. В них в наибольшей степени проявляются

лингвокультурные мотиваторы номинации поэтому и будут предметом отдельной статьи.

В заключении отметим, что сравнение процессов номинации в двух языках в сфере народной фитонимии (конкретнее на материале дикорастущих трав и лечебных растений) показал схожесть совокупности объективных и субъективных мотивационных факторов соответственно ономастической структуры понимаемой как «совокупность существующих в системе языка моделей номинации, с разной степенью абстракции воплощающих представления говорящих о возможностях обозначения объектов определенного класса». [Коновалова 2001, с.47]. Этнокультурная специфика однако проявляется в различной частотности и весомости того или иного фактора номинации.

Библиографический список:

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 1999.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1997.
3. Коновалова, Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира, Екатеринбург, УГПУ, 2001.
4. Попова К. Названия на дървета и храсти в езиковата картина на света (върху славянски и литовски материал). Габрово: Екс-пресс, 2010.
5. Телия В.Н. Номинация // Русский язык. Энциклопедия. М.:1979г.,с. 162-163
6. Хатхе А.А. Номинации растительного мира в когнитивном и лингвокультурологическом аспекте(на материале русского и адыгейского языков), Автореферат, АГУ, Майкоп, 2010

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Манчев Владимир Симеонович
кандидат фил. наук
СУ им. Св. Климента
Охридского
Болгария, г. София
e-mail: v.manchev@abv.bg

Manchev Vladimir Simeonovich
Ph.D
Sofia University «St.Klimeht
Ohridski»
Bulgaria, Sofia
e-mail: v.manchev@abv.bg

Солнцева-Накова Екатерина
Васильевна
СУ им. Св. Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: solnceva@yahoo.com

Solnceva-Nakova Ekaterina Vasilevna
Sofia University «St.Klimeht
Ohridski»
Bulgaria, Sofia
e-mail: solnceva@yahoo.com

В. С. Манчев, Е. В. Солнцева-Накова

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ (ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)*

Аннотация: В докладе рассматриваются основные вопросы, связанные с подготовкой будущих специалистов, работающих в качестве переводчиков художественных фильмов, подчеркивается необходимость преподавания перевода фильмов и видео в магистерскую программу в колледжах и университетах.

Ключевые слова: кино и видеоперевод, дубляж, субтитры, синхронный закадровый перевод.

V.S. Manchev, E.V. Solnceva-Nakova

THE PROBLEMS OF THE TRANSLATING TEXTS OF FEATURE FILMS (PRACTICALS ASPECTS)

Abstract: The report examines the main issues related to the preparation of future professionals who will work as translators of feature films, highlights the necessity of teaching the translation of film and video in the masters program at colleges and universities

Keywords: cinema and video translation, training of the cinema translation, dubbing-in

---

* Данный доклад был прочитан на Юбилейной национальной конференции с международным участием, посвященной 25-летию Филологического факультета Югозападного университета им. Неофита Рильского, которая состоялась 6-7.10.2016 г. в Благоевграде.

В Болгарии перевод аудиовизуальных материалов осуществляется как правило, внештатными переводчиками, что связано с возникновением следующих проблем:

- 1) предельно сжатыми сроками реализации заказа перевода монтажных листов;
- 2) низкой оплатой труда переводчиков;
- 3) недостаточной профессиональной компетентностью переводчиков.

Первые два вопроса имеют технический и моральный характер, а третий зависит от профессиональной подготовки будущих специалистов, которые собираются работать в такой специфической отрасли переводческой деятельности как кино/видео перевод (КВП).

До недавнего времени в Болгарии и в России вопрос о подготовке профессиональных переводчиков в области КВП в высших учебных заведениях почти не поднимался. Однако сегодня, когда цифровое телевидение (DTV) во многих странах вытесняет аналоговое, необходимость в такого рода специалистах стала более чем очевидной. Таким образом, необходимость преподавания студентам основ КВП в магистерских программах высших учебных заведений становится велением времени.

Парадоксальным является тот факт, что при СБП пока нет отдельной секции для профессиональных кинопереводчиков.

Специалисты в области теории перевода проявили интерес к переводу аудиовизуальных материалов сравнительно недавно. В последние 30 лет опубликовано несколько монографий, связанных с этой проблематикой (Pommier, Christophe, 1988). Исследований, связанных с методикой преподавания кино/видео перевода из сданного нами обзора специальной литературы, пока нет. Большинство материалов разбросаны в разных периодических изданиях, например, в издающемся в США «Translation Journal», французском «Objectif cinéma», российском «Вестнике Московского университета. Серия 22. Теория перевода» и т.д.

Сам термин кино/видео перевод введен А.П. Чужакиным и П.Р. Палажченко (Чужакин, Палажченко, 2004, 38 – 40). «Перевод, соотносится с двумя разными понятиями: как некая интеллектуальная деятельность, т.е. процесс, и перевод как результат

этого процесса, продукт деятельности, иначе говоря, речевое произведение, созданное переводчиком» (Гарбовский, 2004, 6).

КВП делится на 4 вида: дубляж, субтитры (супертитры от *англ. supertitles, surtitles*), синхронный закадровый перевод и перевод-палимпсест. Наибольшая степень эквивалентности перевода исходному тексту может быть достигнута в третьем. Отличительным признаком синхронного перевода является то, что он должен обеспечить такое же воздействие на слушателя, как и оригинал исходного текста. Этот вид перевода использовался во время международных кинофестивалей, кинонедель национальных фильмотек и других аналогичных мероприятий. Синхронный перевод фильмов практически себя изжил, поскольку большинство фильмов субтитрируется, но говорить, что он прекратил свое существование, еще рано.

Принято считать, что техника синхронного перевода фильмов мало чем отличается от обычного синхронного перевода в кабине. Требования те же, но при переводе фильмов переводчику надо быть еще немного и актером, т.е. уметь менять голос и интонации, выделяя речь разных героев фильма. Необходимо стараться не «переиграть», но и не говорить монотонно. При отсутствии монтажного листа задача переводчика гораздо сложнее, необходимо просмотреть картину заранее.

Кино/видео перевод является особым видом переводческой деятельности, разновидностью художественного перевода.

В качестве ключевого компонента методики преподавания КВП в высшей школе можно избрать междисциплинарный имплицитно-эксплицитный подход к обучению студентов переводческому анализу кинотекста, характеризующегося сложным композиционным взаимодействием разных семиотических кодов.

Модульное преподавание КВП наиболее эффективно осуществлять в такой последовательности: «субтитрирование – дубляж – синхронный закадровый перевод».

Кино/видео перевод является почти ровесником кинематографа. Широкое распространение новых видов КВП всегда обуславливалось такими технологическими нововведениями, как внедрение в немые фильмы интертитров, появлением звука и системы домашнего видео.

Следовательно, историю КВП можно условно разделить на следующие периоды:

1. Межсемиотический перевод (1895 – 1903);
2. Переводные интертитры (1903 – 1927);
3. Субтитры и дубляж (1928 до наших дней);
4. Синхронный закадровый перевод (1976 – до наших дней).

В разных странах отдавали предпочтение тому или иному виду КВП по разным причинам.

Каковы же основные аргументы в пользу того или иного вида дублирования иностранных кинофильмов?

Во-первых, националистический. Их целевая установка – единение населения стран, путем стандартизации общенационального языка и дублирования кинокартин на его стандартный (очищенный от провинциальных диалектов) вариант, который популяризуется благодаря массовому посещению кинотеатров.

Во-вторых, идеологический. При помощи дубляжа изменялись неприемлемые для правящего режима названия картин и высказывания киногероев.

В-третьих, низкий уровень грамотности населения делает неприемлемым субтитрование зарубежных фильмов в широком прокате.

Рассмотрим факторы, которые обеспечили в ряде стран доминирование субтитрования:

1. Экономический – в Скандинавии, Нидерландах, Греции и др.:
  - а) низкие кассовые сборы от проката зарубежных кинолент;
  - б) производство субтитров обходится студиям в 8 – 15 раз дешевле дублирования.
2. Лингвистический – в Бельгии, Финляндии, Сингапуре и др. странах – наличие двух и более государственных языков.
3. Эстетический – зрители предпочитают слушать оригинальные голоса киноактеров.

Синхронный закадровый перевод, которому отдают предпочтение в России, Польше и Болгарии, популярен благодаря своей экономичности (значительно дешевле дублирования).

Рассуждая над понятиями «киноязык» и «кинотекст» мы вслед за Ю.М. Лотманом, У. Эко, Р. Бартом и рядом других исследователей рассматриваем кино с позиции семиотики, что позволяет нам обнаружить формальное сходство между вербальным языком и языком кино – звукозрительным языком, обладающим собственными специфическими лексикой и грамматикой, представляющим собой систему различных семиотических кодов и позволяющим осуществлять передачу смысла (коммуникацию) при помощи кинематографа (Филиппов, 2006, 145).

Практической реализацией киноязыка в рамках конкретного кинематографического произведения является кинотекст. Многие исследователи рассматривают кинофильм именно как знаковую сущность, как текст. Русские лингвисты Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов относят кинотекст, наряду с текстами теле- и радиовещания, рекламными текстами, плакатами и т.д. к «креолизированным текстам», т.е. таким, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» (Сорокин, Тарасов, 1990, 180 – 181).

Исследователи Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова выделяют в структуре кинотекста две взаимосвязанные и взаимодействующие системы: лингвистическую и нелингвистическую.

I. Лингвистическая система включает в себя:

- 1) письменную составляющую (титры и надписи фильма);
- 2) устную составляющую (звучащую речь актеров, закадровый текст);

II. Нелингвистическая система включает в себя:

- 1) звуковую часть (естественные и технические шумы, музыку);
- 2) видеоряд (образ, персонажей, движения персонажей, пейзаж интерьер, спецэффекты и т.д.) (Слышкин, Ефремова, 2004, 17 – 18).

Таким образом, предметом КВП является лингвистическая система кинотекста, находящаяся в неразрывной смысловой связи с компонентами нелингвистической системы, входящая в его состав и имеющая два уровня – устный и письменный.

При переводе художественных фильмов весьма важно не только передать смысл, но и воссоздать средствами языка перевода

(несмотря на разницу в темпе речи, грамматических структурах, длине фонограммы и т.п.) исторический и национальный колорит страны, в которой создана кинокартина, сохранить стилистику автора фильма, как можно более точно передать языковые портреты героев.

Библиографический список

1. Гарбовский 2004 – *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. – М.: Изд-во моск. Ун-та, 2004. – с.6.
2. Слышкин, Ефремова 2004 – *Слышкин Г.Г., Ефремова М.А.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004. – с.17-18.
3. Сорокин, Тарасов 1990 – *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция //Оптимизация речевого воздействия. М., 1990 с.180-181.
4. Филиппов 2006 – *Филиппов С.А.* Киноязык и история. Краткая история кинематографа и киноискусства. - М.: Клуб «Альма Анима», 2006 – с.145.
5. Чужакин, Палажченко 2004 – *Чужакин А.П., Палажченко П.Р.* Мир перевода – 1. Introduction to Interpreting XXI. Протокол, поиск работы, корпоративная культура, 6-е изд. Доп./А.Чужакин, П.Палажченко. – М.: Р.Валент, 2004. – с.38-40.
6. Pommier 2006 – *Pommier, Christophe.* 1988 Doublage et postsynchronisation. Paris: Ed. Dujjaric; Anderman, Gunilla&Diaz-Cintas, Jorge.2008 Audiovisual Translation: Language Transfer on Screen. Palgrave Macmillan; Overo, Pilar, 2004. Topics In Audiovisual Translation. Benjamins Translation Library, John Benjamin`s Publishing Co; Varela, Federico Chaume, 2001. La traduccion en los medios audiovisuales/ The translation in audiovisual media. Biblioteca Universal Empuries. Universitet jaume I; Горшкова В.Е. перевод и кино/ В.Е. Горшкова. – Иркутск: ИГЛУ, 2006.
7. www.zonzlatina.com/Z1data163.htm См. Dubbing vs. Sub-titling of Foreign language Movies.» Latin Amerika media& Marketing. (дата посещения: 15.09.2015) <www.zonzlatina.com/Z1data163.htm>.

Бирова Илка Любенова
Доцент, доктор
Софийский университет им. Св. Кл.
Охридского
Болгария, г. София
e-mail:ilkabirova@mail.bg

Birova Ilka Lyubanova
Assoc.Prof., PhD
Sofia University "St. Kl. Ohridski"
Bulgaria, Sofia,
e-mail:ilkabirova@mail.bg

И. Л. Бирова

О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ И ОБ ОСНОВНЫХ ТРЕБОВАНИЯХ В РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о профессиональной компетенции переводчиков, работающих в современных условиях глобализации и динамичного межкультурного обмена. Автор останавливается на основных требованиях к работе переводчика в сфере художественного и научного переводов. Отмечены также некоторые специальные требования к переводу деловой и специализированной литературы.

Ключевые слова: переводческая компетенция, требования, работа переводчика

I. L. Birova

ABOUT TRANSLATION COMPETENCE AND MAIN REQUIREMENTS IN ACTIVITY OF TRANSLATOR

Abstract: This article is dedicated to the question of professional competence of translators in present conditions of globalization and dynamic intercultural communication. The author analyzes main requirements in translation activity in the sphere of fiction and science and some special requirements in translation of specialized literature.

Keywords: translation competence, requirements, activity of translator

Во все эпохи деятельность переводчика была значимой для общества и его культурного развития. Особое стратегическое значение она приобретает в настоящее время глобализации и динамичного обмена информацией. Процессе перевода пересекает не только границы языков, но и границы культур, являясь ведущим фактором современного активного межкультурного общения. А. Д. Швейцер определяет перевод как однонаправленный и двухфазный процесс межязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (переводческому) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде [7]. В этом процессе главную роль играет личность

переводчика, который является активным транслятором одной культуры в другую. Для качественного выполнения этой ответственной задачи к переводчику отправлены высокие требования и ожидания со стороны общества.

В настоящей статье рассматривается вопрос о переводческой компетенции и об основных требованиях к работе переводчика. В связи с этим в начале останавливаемся на требованиях к переводу, данные еще в 60-ые годы Т. Сейвори в его книге «Искусство перевода» [6], которые в большой степени сохранили свою актуальность сегодня:

1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться как оригинал.
4. Перевод должен читаться как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться как современный переводчику.
8. Перевод должен читаться как современный оригиналу.
9. Перевод вправе прибавить нечто к оригиналу или убавить от него.
10. Перевод не вправе ничего ни прибавить, ни убавить.
11. Стихи следует переводить прозой.
12. Стихи следует переводить стихами.

Перечисленные требования в известной степени исключают друг друга и в то же время дополняют друг друга, в этом выражается их парадоксальность. Далее приводим наш комментарий этих парадоксов перевода, тесно связанных с самой деятельностью переводчика. Бесспорно перевод должен передавать мысли, дух и стиль автора оригинала, а также стилистические и жанровые особенности оригинального произведения. Это требование относится к переводу во всех сферах и жанрах, но в самой большой степени - к художественному переводу. Когда идет речь о специализированном переводе, о переводе текстов научного или делового стиля, то эквивалентность выражается в стилистической адекватности и в точности употребления терминов, специализированных понятий, названий, аббревиатур и т.п.

Перевод должен читаться как перевод, потому что он по своей природе является вторичным текстом, интерпретацией переводчика для другой культурной среды. И в то же время перевод должен восприниматься легко и естественно, как оригинальный текст воспринимается носителями данного языка.

Перевод должен отражать стиль оригинала, но в известной степени он также отражает стиль переводчика. При этом стиль оригинала является определяющим и ведущим.

Когда переводные тексты относятся не к современности, а к другой исторической эпохе, они должны сохранить и передать дух соответствующей исторической эпохи, а не адаптироваться механически к современности.

В принципе переводчик не имеет права дописывать текст от себя. Однако, в некоторых случаях, учитывая стилистические и жанровые особенности оригинального текста, переводчик может добавлять пояснения (например, к реалиям, аббревиатурам и т.д.) или убавлять некоторые детали, укрупняя их и выражая смысл обобщенно. Последнее обычно происходит в переводе художественных текстов и редко бывает в специализированном переводе.

В связи с последними двумя требованиями, указанными Т. Сейвори, мы считаем, что лучший вариант – это когда стихи переводятся стихами. В этом смысле переводом поэзии должен заниматься только тот переводчик, который сам является поэтом. В качестве таких ярких примеров можем назвать болгарские переводы русской и французской поэзии, сделанные К. Кадийским, или сонеты Шекспира, переведенные В. Петровым.

О требованиях к переводчику пишет также А.Лилова, выделяя следующие:

- 1) искать первоисточники соков, которые вливались в оригинал
- 2) понимать их трансформацию по пути движения
- 3) уметь согласно потребностям своих реципиентов вылить их в собственную культуру
- 4) внести свой вклад в диалог между народами, культурами и цивилизациями, т.е. быть талантливым посредником в потоках и сетях современного культурного трансфера.

По мнению А. Лиловой, эта нелегкая задача, потому что оригинал со своим полнокровным потенциалом как будто всегда убегает переводчику. Стратегии и варианты меняются и увеличиваются со временем, но у них одна цель и одна роль – воздействие в новом контексте трансфера – культурноидентифицирующего и культурносозидательного [4].

Дальше мы останавливаемся на переводческой компетенции, которая представляет собой сложную и многомерную категорию. Она обладает следующими характеристиками:

1) переводческое владение двумя языками (как минимум рецептивное владение исходным языком и продуктивное - языком перевода);

2) способность к переводческой интерпретации исходного текста (т.е. к видению его глазами носителя другого языка и другой культуры);

3) владение технологией перевода (т.е. совокупностью процедур и трансформаций, обеспечивающих адекватное воспроизведение оригинала);

4) знание норм языка перевода;

5) знание переводческих норм, определяющих выбор стратегии перевода;

6) знание норм данного стиля и жанра текста;

7) наличие фоновых знаний, необходимых для адекватной интерпретации исходного текста, в частности знание „предмета“, необходимое для успешного перевода в рамках специализации переводчика;

8) творческие способности переводчика, необходимые для художественного и, в частности, поэтического перевода.

Роль культурного фактора проявляется в той или иной мере во всех жанрах и разновидностях перевода, но ярче всего в художественном переводе. Как писал И. Левый, «переводчику следует, так же как театральному декоратору, считаться с перспективой: у его читателя иной ценз знаний и эстетического опыта, чем у читателя оригинала, и потому в механическом воспроизведении подлинника он многого бы не понял» [5, с.9]. Переводчик создает определенную иерархию ценностей,

позволяющую выделить те черты оригинала, которые представляются ведущими.

С переводческой компетенцией тесно связана проблема переводимости текста. Известно, что переводимость представляет собой не абсолютное, а относительное понятие. Следует различать, с одной стороны, переводимость на уровне того или иного сегмента текста, а с другой, – переводимость на уровне текста в целом. Полная эквивалентность представляет собой идеализацию реальной переводческой практики, полная переводимость также не всегда достижима. Частичные потери предполагают обязательное сохранение главных, наиболее существенных элементов текста, его функциональных доминант. Но в переводе всегда остается что-то непереводаемое. В своей книге «Непереводимое в переводе» С.Влахов и С.Флорин цитируют мысль Гете, что к непереводаемому нужно относиться с уважением, так как именно в нем состоит ценность и характер языка [3].

Кроме указанных выше основных требований, в сфере перевода деловых, справочных и специализированных текстов к переводчику отправлены также другие специальные требования, анализированные нами в прежних публикациях [1, 2]. Далее перечисляем их обобщенно:

- * наличие широкой общей культуры и фоновых знаний в разных сферах

- * наличие специализированных знаний в конкретной сфере перевода;

- * потребность постоянной работы со справочниками и консультациями со специалистами в данной сфере; В этом отношении работа переводчика затрудняется нехваткой или отсутствием актуальных специализированных словарей и справочников, в том числе переводных (русско-болгарских);

- *переводчик должен быть одновременно и редактором переводного текста. Даже когда есть редактор данного текста, он часто читает только перевод и редко сравнивает его с оригиналом. Точность и адекватность переводного текста остается главной ответственностью самого переводчика.

В заключение хочется подчеркнуть, что высокий уровень переводческой компетенции является востребованным и обязательным качеством современных переводчиков в любой сфере. Факторы, которые влияют на ее формирование, следующие: качественная подготовка в вузе, развитие широкой общей культуры и наличие специализированных знаний в сфере перевода, постоянная работа с актуальными словарями и справочниками, ответственное отношение к работе, профессионализм и его постоянное усовершенствование. Только таким путем переводчик может достичь высокого мастерства в своем труде и осуществить полноценный межъязыковой и межкультурный трансфер.

Библиографический список:

1. Бирова И. О «камнях преткновения» в переводе текстов энциклопедических справочников с русского на болгарский язык. В сб. XI Международного симпозиума МАПРЯЛ, В.Тырново, 2014. - с. 258-261
2. Бирова И. Особенности перевода с русского на болгарский язык текстов в сфере кибертехнологии и кибербезопасности, В сб. на Фондация Руско делово слово, София, 2016. - с. 25-32
3. Влахов С., Флорин С. Непреводимото в превода, София: Наука и изкуство, 1990. - 356 с.
4. Килева-Стаменова, Р. (съставител). Превод и културен трансфер (сборник в чест на доц. Анна Лилова). София: УИ Св. Кл. Охридски, 2007. - 201 с.
5. Левый И. Искусство перевода, Москва: Прогресс, 1974. - 394 с.
6. Сейвори Т. Искусство перевода, Savory T. The art of translation, Boston, 1968. - 191 с.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. Москва, 1988. - 215 с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Норейко Лариса Николаевна
кандидат фил. наук, доцент
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: nor-larisa@yandex.ru

Noreyko Larisa
Phd, associate professor
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: nor-larisa@yandex.ru

Некрасова Людмила Николаевна
старший преподаватель
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: carinjo@mail.ru

Nekrasova Liudmila
senior teacher
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: carinjo@mail.ru

Л.Н. Норейко, Л.Н. Некрасова

ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ: ТРЕБОВАНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики владения русским языком на высоком уровне. Определяются коммуникативные компетенции, присущие данному уровню. Описываются способы реализации особенностей данного уровня в различных типах тестовых заданий. Анализируются и сопоставляются понятия «носитель языка» и «компетентный пользователь».

Ключевые слова: носитель языка, компетентный пользователь, высокий уровень владения языком, коммуникативная компетенция, стратегии и тактики речевого поведения

Noreyko Larisa, Nekrasova Liudmila

HIGH LEVEL OF PROFICIENCY IN RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE: REQUIREMENTS AND COMMUNICATIVE COMPETENCES

Abstract. The article deals with consideration of specifics of knowledge of Russian at the high level. The communicative competences inherent to this level are defined. Ways of realization of features of this level in various types of test tasks are described. The concepts "native speaker" and "competent user" are analyzed and compared.

Keywords: native speaker, competent user, high level of proficiency in language, communicative competence, strategy and tactics of speech behavior

Принято утверждать, что высокий уровень владения иностранным языком близок к уровню образованного носителя изучаемого языка. В связи с этим считаем необходимым уточнить содержание понятия «носитель языка». Интересным также является и ответ на вопрос, насколько корректно ставить перед собой цель овладеть иностранным языком на уровне его носителя, или предпочтительнее и методически правильнее было бы говорить о достижении уровня компетентного пользователя изучаемого языка.

Коммуникативную компетенцию носителя языка составляют навыки и умения использовать языковые средства с учетом характера отношений между говорящим (пишущим) и адресатом, с учетом цели общения и коммуникативных намерений. В сферу его коммуникативной компетенции входят также знание правил этикета, вербальных и невербальных тактических средств общения, разнообразные поведенческие стратегии установления контактов и управления реализацией разнообразных речевых актов в разных сферах общения. Носителю языка присуще владение национально-культурными особенностями речевого поведения, а также умение вступать в коммуникацию и выстраивать общение в соответствии с ситуацией и сферой речевых контактов. Дискурсивная компетенция позволяет носителю языка интуитивно или осознанно использовать определенные стратегии для конструирования и интерпретации текстов различных жанров. К этому стоит добавить, что носитель родного языка способен к беглой спонтанной речи, умеет прогнозировать высказывания собеседника и управлять речевым процессом в соответствии с поставленной коммуникативной целью [8].

В типовом тесте 4 сертификационного уровня дается следующее определение: «Сертификат IV уровня свидетельствует о высоком уровне владения русским языком, близком к уровню носителя языка» [5]. Это определение стоит уточнить: речь идет об образованном носителе языка. Это неоднократно подчеркивается в описании структуры субтестов. Например, отмечается, что понимание текстов данного уровня не должно вызывать затруднений у образованных носителей русского языка.

Содержание анализируемого понятия можно рассмотреть и в другом ракурсе, ответив на вопрос, что отличает коммуникативную компетенцию носителя языка от компетенции изучающего данный язык как иностранный. Прежде всего исследователи данной проблемы отмечают употребление идиоматических выражений в речи тех, для кого этот язык является родным. Им присущи точность словоупотребления и естественное произношение (особый интонационный и ритмический рисунок звучащей речи), свободная ориентация в культурном контексте, метафоричность речи и прагматическая компетенция [9]. Э.Г. Азимов и А.В. Щукин в «Новом словаре методических терминов русского языка», изданном в 2009 году, предлагают следующее определение носителя языка: «Представитель какой-л. социокультурной и языковой общности, владеющий нормами языка, активно использующий данный язык (обычно являющийся для него родным) в различных бытовых, социокультурных, профессиональных и др. сферах общения» [1, 163]

Описание содержания понятия «носитель русского языка» актуализировано в настоящее время в связи с появлением особой формы экзамена - собеседования по признанию иностранного гражданина носителем русского языка. В нормативно-правовых документах дается следующее определение носителя русского языка: «лицо, владеющее русским языком и повседневно использующее его в семейно-бытовой и культурной сферах» [4]. В требования к лицам, претендующим на статус носителя языка, включаются такие критерии, как понимание и умение интерпретировать неадаптированные тексты на любую тему, в том числе тексты с подтекстовыми смыслами; умение писать развернутые тексты во всем многообразии жанрово-стилистических характеристик; максимально полное понимание содержания звучащих текстов различных жанров, свободное восприятие социально-культурных и эмоциональных особенностей речи говорящих, способность адекватно интерпретировать фразеологизмы, прецедентные высказывания, а также умение достигать поставленных целей коммуникации в различных ситуациях общения, демонстрируя соответствующе тактики речевого поведения. [4].

Большая часть этих критериев применима и к иностранным гражданам, сдающим тест по русскому языку Четвертого сертификационного уровня, однако есть и отличия. Так, иностранный гражданин, претендующий на статус носителя русского языка, должен показать готовность «принять нравственные обязанности по отношению к окружающей природе, российскому обществу, другим людям и самому себе» [3, 23], так как конечной целью данного лица является получение гражданства РФ. Языковой тест уровня С2 не включает подобных экстралингвистических критериев, цель у кандидатов в данном случае иная - подтвердить владение русским языком на высоком уровне.

Западные специалисты, изучающие проблему определения носителя языка, выделяют еще несколько критериев. Носителем языка является: 1) усвоивший язык в раннем детстве от своих родителей – носителей языка; 2) обладающий таким знанием языка, которое позволяет легко и неконтролируемо понимать обращенную (и не обращенную) к нему речь; 3) который способен вести себя в соответствии с ситуацией общения и принятыми коммуникативными нормами, 4) прогнозирующий речь собеседника и выстраивающий речевой акт в соответствии с коммуникативным намерением; 5) имеющий аутентичное произношение и говорящий без иностранного акцента [7]. Считается, что человек, говорящий на неродном языке, может соответствовать всем критериям (кроме первого), и только последний критерий (акцент) является наиболее трудным для преодоления препятствием.

Как видим, есть определенные различия между иностранцами, сдающими тест IV сертификационного уровня, и иностранными гражданами, сдающими экзамен на признание носителем языка. Ученые предлагают альтернативные термины для обозначения высокого уровня владения иностранным языком. Наиболее точным следует признать термин «компетентный пользователь языка» [7]. Если исходить из этого определения, то цели, стоящие перед изучающим русский язык на продвинутом этапе, представляются вполне ясными и достижимыми.

Отметим, что термин «компетентный пользователь» (competent user) используется, например, в системе Кембриджских тестов.

Уровень CPE, соответствующий уровню C2, определяется следующим образом: «A *CAMBRIDGE ENGLISH: PROFICIENCY (CPE)* qualification shows the world that you have mastered English to an exceptional level. It proves you can communicate with the fluency and sophistication of a highly competent English speaker» [6], что можно перевести следующим образом: успешное прохождение теста CPE свидетельствует о владении английским языком на высшем уровне. Успешная сдача теста подтверждает, что кандидат владеет английским языком свободно и в совершенстве, на уровне высококомпетентного пользователя (перевод авторов - Л.Н., Л.Н.).

Уровень ТРКИ-4 занимает особое место в системе ТРКИ, так как он менее всего связан с каким-то конкретным этапом вузовского обучения. Высокий уровень владения русским языком как иностранным представляет собой прежде всего особый тип или характер речевого поведения, предполагающий, что человек, владеющий этим уровнем, активно вовлечен в языковую среду, интенсивно и успешно пользуется письменной и устной формами общения, имеет широкие фоновые знания. Кроме того, он уверенно ориентируется в исторических периодах развития языка и стилистическом разнообразии русской речи. Для выражения разнообразных интенций человек, изучающий язык на этом уровне, должен овладевать широким спектром интонационных, образных, синонимических средств. Конкретизируя вышесказанное, определим коммуникативные компетенции в области рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности.

Так, рецептивные виды речевой деятельности характеризуются высоким уровнем понимания стилистически разнообразных текстов, содержащих:

- сложные грамматические конструкции;
- прецедентные фразеологические единицы;
- концептуальные смыслы;
- социально-психологические особенности поведения говорящего (аудирование).

Коммуникативные компетенции в области продуктивных видов речи определяются способностью говорящего (пишущего) использовать различные стратегии и тактики речевого поведения в

зависимости от параметров ситуации общения и реализовывать свои речевые намерения в различных жанрах и сферах общения.

В практических целях для подготовки к прохождению тестирования в объеме четвертого уровня полезно рассмотреть способы реализации вышеперечисленных особенностей данного уровня в тестовых заданиях, а также уделить внимание объектам контроля и оценки коммуникативной компетенции претендента. Так, например, требование владеть образными средствами и способами выражения имплицитных смыслов проявляет себя в лексико-грамматическом тесте в следующем типе заданий. Предлагается правильно употребить идиоматическое выражение с опорой на смысл высказывания: «Перед отпуском у него так много дел, что ... (вешать голову, сам себе голова, голова идет кругом, ходит на голове)» [5, 50]. Объектом контроля являются разные способы выражения интенций. Так, во фразе «докладчик выступал со знанием дела» необходимо определить тип заключенной в ней интенции: является ли эта фраза сообщением о времени, причине или признаке действия. Принципиальным отличием этого уровня является необходимость улавливать смысловые и коммуникативные нюансы, заключенные, в частности, в синтаксической организации предложения. Например, в следующих фразах необходимо определить коммуникативное задание: «Вот это встреча так встреча!», «Еще чего не хватало!», «Тоже мне учитель!»; а также: «Перед собравшимися выступил директор», «Наша встреча с директором состоялась в 12 часов». Знание лексико-грамматических особенностей разговорного языка является необходимым требованием к уровню владения языком компетентным пользователем. Пользователь данного уровня готов к восприятию характерных черт разговорной речи, проявляющих себя в многообразии интонационно-синтаксических конструкций, например, для выражения согласия/несогласия: «Есть там что смотреть!/Там есть что смотреть!/ Станем мы на это смотреть!». Для высокого уровня владения языком важно понимание влияния на интерпретацию смысла контекста и лексико-грамматического окружения слова. Например, во фразе «а я возьми и скажи» формы императива выражают значение внезапного действия в прошлом.

Проникновение в глубину содержания потребует и в ходе выполнения теста по чтению. Чтобы постичь смысл текстового единства, нужно выявить имплицитно выраженный смысл, определить коммуникативную задачу изложения, интерпретировать роль деталей, сформулировать позицию повествователя.

Способность воспринимать и верно идентифицировать коммуникативную цель высказывания в рецептивных видах речи преобразуется в умение достигать коммуникативной цели, воздействовать на слушателей и читателей, выстраивая эффективную стратегию речи в продуктивных видах речи. В говорении пользователь высокого уровня языка должен произнести монолог воздействующего характера и привлечь на свою сторону слушателей, а также выступить перед разной аудиторией с учетом возраста и интересов аудитории, выбирая соответствующий стилистический регистр речи. Понимание стилистического многообразия речи и умение пользоваться средствами разной стилистической принадлежности – одна из важнейших компетенций пользователей данного уровня.

В заданиях по письму должны быть продемонстрированы коммуникативные компетенции, позволяющие кандидату претендовать на признание его компетентным пользователем русского языка. Для этого необходимо представить ситуацию, выбрать стратегию повествования, использовать экспрессивно-образительные средства для наглядной аргументации своих мыслей, построить композицию, в которой будут все необходимые для развития действия элементы: завязка, кульминация, развязка. Приведем для анализа фрагмент экзаменационной работы, позволяющей оценить речевое поведение пользователя данного уровня (орфография и пунктуация сохранены).

«Сегодня я видел очень интересную передачу, которая потрясла меня до глубины души. В передаче была представлена жизнь девушки из Копейска. Казалось бы, что может быть интересного в человеке из районного городка на краю Европы? Так я подумал вначале. Однако потом оказалось, что эта девушка – водитель-дальнойбойщик! Надо подчеркнуть, что это девушка с

модельной внешностью. Трудно поверить, что такое хрупкое создание может выполнять такой труд! ...

Сначала в передаче показали героиню во время фотосъемки. Фотограф якобы не догадывался о профессии своего героя. Это и понятно. Я сам, увидев ее, подумал, что передача будет об одной из «столичных красавиц». Как оказалось, это совсем не так – получился рассказ о настоящей русской женщине, «что коня наскоку остановит и в горящую избу войдет». Возможно, в этой передаче о нетипичной девушке отражается нечто более масштабное, суть характера? Так или иначе, про эту девушку можно было бы снять фильм. Это был бы фильм про храбрую девушку, которая выживает в мужском, полном тестостерона и предубеждений мире.

Судя по передаче, эта девушка, действительно, неплохо справляется, что полностью признают ее коллеги-мужчины. Героиня призналась, что в будущем она хочет получить профессию пилота. Не сомневаюсь, что ей и это дело будет по плечу».

Что позволяет оценить эту работу как соответствующую требованиям высокого уровня владения русским языком как иностранным? Умение представить ситуацию, адекватно использовать экспрессивно-изобразительные средства для наглядной аргументации, в том числе и прецедентные высказывания, а также владение языковыми нормами современного литературного языка являются яркой характеристикой понятия «компетентный пользователь языка».

Таким образом, владение русским языком на уровне компетентного пользователя предполагает знакомство с широким кругом текстов, содержащих прецедентные единицы, историческую и культурную информацию. Для данного уровня актуальным является понимание своей социокоммуникативной роли, коммуникативной задачи, ориентация на адресата, знание социокультурной и социопсихологической дифференциации типов общения.

Библиографический список

1. Азимов А.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения иностранным языкам). - М.: Издательство ИКАР, 2009

2. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Четвертый уровень. Общее владение. - М. - СПб: «Златоуст», 2000
3. Должикова А.В., Поморцева Н.В., Куриленко В.Б., Иванова А.С., Куликова Е.Ю. Лингвокультурная компетентность как объект контроля в лингводидактическом тесте-собеседовании по русскому языку как иностранному // Вестник РУДН, Серия «Вопросы образования: языки и специальность», 2015, № 4, с 19 - 24
4. Приказ ФМС России от 26.05.2014 № 379 «Об утверждении ... Правил проведения собеседования комиссией по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка .... и Требований к форме решения комиссии о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/548814>
5. Типовые тесты по русскому языку. Четвертый сертификационный уровень. Общее владение / Г.Н. Аверьянова и др. - М. - СПб: «Златоуст», 2000
6. Cambridge English. URL:<http://www.cambridgeenglish.org>
7. Lee J. The native speaker: an achievable model? // Asian EFL Journal, №7(2), 2005. С.152-163
8. Kasper G.2004 Can pragmatic competence be taught // Sec. Language teaching. Honolulu: Univ. of Hawaii
9. Phillipson R. 1996 ELT: The native speaker's burden // Power, pedagogy & practice. Oxford Univ. Press. - pp. 23-30

Петрова Ирена Димитрова
доктор, гл. ассистент
Шуменский университет им.
Епископа Константина Преславского
Болгария, г. Шумен
e-mail: irena_kost@abv.bg;
i.kostadinova@shu.bg

Petrova Irena Dimitrova
Ch.Ass.Prof., Ph.D.
Konstantin Preslavsky University of
Shumen
Bulgaria, Shumen
e-mail: irena_kost@abv.bg;
i.kostadinova@shu.bg

И.Д. Петрова

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ЖАРГОНА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация: Жаргон – это особый слой языка, который характеризуется социальной и временной ограниченностью. Жаргонизация языка – это динамическое явление, которое существует вследствие изменений во всех сферах деятельности языковой личности в современной жизни. Наблюдения автора над учебными программами, учебниками и учебными пособиями для всех этапов и видов обучения русскому языку как иностранному показывают, что жаргон не включен в учебное содержание в ни один из них. Можно поставить вопрос о необходимости, или, наоборот, о бесполезности изучения жаргона учащимися на разных этапах и для разных целей обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: Русский язык как иностранный, жаргон, жаргонизм.

I.D. Petrova

TEACHING JARGON TO A FOREIGN AUDIENCE

Abstract: Jargon is a special layer of language which is characterized by social and temporal limitations. Language jargonism is a dynamic phenomenon which exists as a result of changes in all spheres of activity of a linguistic personality in a modern life. Supervision of the author above curriculums, textbooks and manuals for all stages and types of teaching Russian as a foreign language show that the jargon is not included in an educational content in none of them. It is possible to raise the question of the necessity or, conversely, the uselessness of studying jargon by students at various stages and for different purposes of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Russian as a foreign language, jargon, jargonism.

Введение. В Словаре методических терминов говорится о лингвистике как о «базовой для методики преподавания иностранных языков науке об общих законах структуры и функционирования человеческого языка. Лингвистическое содержание обучения иностранному языку закреплено в аспектах языка (фонетике, графике и орфографии, лексике, грамматике) и в структурах и жанрах речи

(устный диалог, устный монолог, письменный монолог, дискурс и др.)» [1, с.135]. В последние годы в лингвистике наблюдается повышенный интерес к изучению не только значения и структуры языковых явлений, но и к закономерностям их использования в речи, в целом – к функциональной стороне языка. А, как известно, целью обучения иностранному языку (в том числе – и русскому) является его овладение в письменной и устной форме, что позволяет осуществить успешное общение на этом языке в различных сферах и ситуациях и на разные темы общения на уровне носителя языка.

Одной из сфер использования языка являются различные социолекты – конкретные виды использования языка в зависимости от социальной группы и речевой ситуации. Они отличают его от литературного языка, по отношению к использованию слов, синтаксических способов выражения значения и др. В состав социолектов традиционно включают: аргот, жаргон, сленг. Эти единицы, по той или иной причине не являются предметом рассмотрения с точки зрения методики изучения иностранных языков. В то же время жаргон является одной из наиболее продуктивных с точки зрения словотворчества и переосмысления единиц разных пластов языка.

Жаргон, с другой стороны, является социально обоснованной разновидностью литературного языка, основанной на разделении людей в зависимости от социальных признаков, от возраста, от профессии, от образа жизни, от сферы работы, от общности интересов и т. н. Использование жаргона зависит от условий общения (от ситуации, темы, цели, от адресата или адресанта и др.). Но, в отличие от функциональных стилей, каждый из жаргонов обладает строго определенной ограниченной средой, в пределах которой может быть использован и за пределами которой он не употребляется и даже непонятен.

Целью настоящего исследования является изучение возможности, необходимости, значимости, или наоборот, невозможности, ненужности, несущественности обучения жаргону различных групп изучающих русский язык вне языковой среды, в образовательных учреждениях Республики Болгарии, а также включение жаргона в содержание обучения русскому языку, как в

средней, так и в высшей школе. Объектом является жаргон как социальная разновидность языка, а предметом является вопрос о том, должен ли жаргон рассматриваться с точки зрения методики преподавания русского языка как иностранного – как создается, кто употребляет его, каковы его черты и особенности, каково его значение для уровня овладения русским языком.

Основная часть. В отличие от разговорного языка, жаргон – это условный язык, социолект, понятный только в определенной конкретной среде; это – речь социальной или профессиональной группы. Жаргон характеризуется определенным лексическим составом, и содержит много искусственных, иногда условных слов и выражений. Жаргон – это своеобразная коллективная языковая игра. «Жаргон (от фр. jargon) – это социальная разновидность речи, характеризующаяся по сравнению с общенародным языком специфической лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Лексика жаргона строится на базе литературного языка путем переосмысления, метафоризации, звукового усечения и т. п., а также активного усвоения иноязычных слов и морфем. Жаргонизм – это слово или выражение, принадлежащее одному из жаргонов данного языка» [1, с. 69].

Функция жаргона состоит в выражении принадлежности к относительно автономной социальной группе посредством использования специфических слов, форм и оборотов. Жаргонизм – это не только средство для общения в устной форме, но и эффективный способ художественной выразительности.

Жаргон **создается и строится** на базе литературного языка путем различных процессов, упомянутых выше, например: крутой – «модный», «деловой», хата – «квартира», баксы – «доллары».

Причинами появления жаргона являются: сокращение, группировка, развлечение, сказать по-другому, чтобы обидеть или сделать комплимент, при отсутствии языковых средств, чтобы сказать более точно, или... просто так. Некоторые из жаргонизмов прочно остаются в языке.

Жаргонизмы используются в основном представителями молодежных групп, неформальными молодежными объединениями,

таких, как спортсменов, школьников и студентов, солдат; а также, компьютерными специалистами или пользователями компьютеров; профессионалистами в различных областях, преступными элементами и т. д.

Целями использования жаргона являются: чтобы выразить себя, используя свой индивидуальный стиль в общении с представителями одной социальной или возрастной группы.

Характерными чертами жаргонизмов являются:

1. это яркие слова и выражения, которые отличаются от литературного языка; 2. это слова, словосочетания, фразеологизмы; 3. они, как правило, неустойчивы и спонтанны в социальном и временном плане; 4. они появляются в речи и являются отличительной чертой определенного периода времени и конкретного поколения; 5. их используют для оригинальной, чаще всего коннотативно насыщенной номинации предметов, понятий, признаков, действий и состояний, связанных с учебной деятельностью, общекультурными интересами и с жизнью современных подростков и представителей различных слоев и профессиональных сообществ; 6. они имеют определенный подтекст; 7. они появляются в четко изолированной части общества; 8. в их образовании максимально используются словообразовательные процессы; 9. их отличает отсутствие собственной фонетической системы; 10. они не подчиняются грамматическим правилам.

Выделяют следующие виды жаргона:

1) Профессиональный (по видам специальностей); 2) Военный; 3) Журналистский; 4) Компьютерный (который включает в себя игры, сетевой жаргон); 5) Жаргон так называемого ФидоНет (FidoNet) – международной любительской компьютерной сети, построенной по технологии «из точки в точку»; 6) Молодежный (включающий в себя направления – школьный, студенческий жаргон); 7) Радиолубительский; 8) Жаргон наркоманов; 9) ЛГБТ; 10) Жаргон футбольных болельщиков; 11) Криминальный (рус. – феня); 12) Социальной разновидностью являются профессиональные жаргонизмы – слова, упрощенные за счет сокращения или объединения с лексических единиц, используемых для обозначения

специальных терминов и понятий в конкретной среде специалистов, и т.д.

Вопрос о преподавании жаргона в иностранной аудитории в большинстве исследований и учебных пособий по методике преподавания русского языка как иностранного не рассматривается или рассматривается ограниченно. Методисты не акцентируют на необходимости в изучении этой версии языка, считая, что жаргонизмы портят, засоряют, огрубляют речь, ограничивают ее. По мнению Б. Н. Головина, жаргонизмы – «обслуживают замкнутые в пределах группы потребности общения». (2, с.164). Тем не менее, в некоторых статьях есть и идеи, как полезно придумывать, изучать, знать, понимать, использовать жаргонизмы.

Известно, что все факты языка, в том числе и лексические единицы, рассматриваются и отбираются для формирования коммуникативной компетентности на этом языке с точки зрения их места и значимости для передачи и приема информации, т.е. с точки зрения их коммуникативной значимости. Общий подход к отбору лексических единиц, вне зависимости от этапа обучения, состоит в том, что отбираемый языковой минимум для обучения русскому языку как иностранному включает в себя «базовую (межстилевую, нейтральную) лексику, к которой предъявляют следующие требования: семантическая ценность; частотность; ситуативно–тематическая принадлежность; сочетаемость; словообразовательный потенциал; учебно–методическая целесообразность и др.» [3: с.74].

Жаргонная лексика русского языка не изучается в университетах, как в России, так и за рубежом. Следовательно, учащиеся могут ознакомиться с ней только в повседневном общении с носителями языка.

Исследования. Для изучения интересов и точек зрения различных участников в образовательном процессе по русскому языку как иностранному в школе и в вузе, на разных этапах обучения, с разной целью подготовки, во время образовательного семинара, проведенного нами со студентами и преподавателями болгарских школ. Семинар посвящен жаргонизации языка. Участникам было предложено проведение интерактивной игры брейнсторм (мозговой штурм). Участникам в игре было предложено

ответить на вопрос: «*Необходимо ли изучать жаргон на уроках русского языка как иностранного?*». Здесь следует отметить, что речь идет о вариации известной нам игры, поскольку правила были предложены и сформулированы с учетом большого количества участников – 78, среди которых были обособлены две группы с определенными ролями. В ответе на заданный вопрос, первой группе – команде А – «Сторонники», был предложен девиз: «*Почему бы и нет, это класс, нормалёк, клёво, круто!*». У второй группы – команды В – «Противники», был девиз: «*Скажем, НЕТ! Язык от этого страдает!*». Вместе с тем, брейнсторм проводился в соответствии с определенными правилами, которые участвующие должны были соблюдать, и которые обязательны для такого рода деятельности. Вот некоторые из них: выбрать лидера команды; должны участвовать все; необходимо соблюдать этикет неформального общения; нужно избегать любых комментариев к высказанным мнениям негативного характера и не допускать критики; поощрять и принимать любые новые идеи, предложенные участниками; объединять сходные идеи и концепции; визуализировать идеи с помощью схем, картинок и т.д.

В начале брейнстоорма модератор предложил два диалога, которые можно услышать среди студентов филологов во время проведения различных видов контроля во время учебного процесса в университете. Задачей участников было попытаться «перевести» тексты на литературный русский язык:

<u>На жаргоне:</u>	<u>На литературном языке:</u>
<p><u>А</u> – <i>Эй, гумло, мув ме брателло, ты ботанил к контроше, или у тебя бомба?</i> – <i>Нет, сяду на Аляске, и блесну чешуей. Угадайка все–таки. Все буде в шоколаде!</i> – <i>Факер увидит. В могилу захотелось, или в компот?</i></p>	<p><u>А</u> – <i>Слушай, скажи друг, ты готовился к контрольной работе, или у тебя большая шпаргалка.</i> – <i>Нет, сяду на задних рядах и представляю себя в наилучшем виде. Все–таки это тест с вариантами ответов. Все будет хорошо!</i> – <i>Хочешь попасть в кабинет директора, или в комиссию по отчислению студентов?</i></p>

<p><u>Б</u> – У тебя есть дебильник, а то мне неоткуда катать на колоше? Русалка мне банан поставит! Допке не миновать! Загибов у мене навалом!</p> <p>– Да нет, я не буду на Экваторе. Писала курсач. У мене автомат.</p>	<p><u>Б</u> – У тебя есть учебник, а то мне неоткуда списывать на коллоквиуме? Преподаватель мне двойку поставит! Дополнительной сессии мне не миновать! Я пропустил много занятий.</p> <p>– Да нет, я не буду на экзамене. Писала курсовую работу. Я уже сдала.</p>
--	--

После очевидного вывода, что невозможно понять, о чем говорят студенты, так как в речи они используют много жаргонизмов, участники должны были, в соответствии с указанной им ролью, предложить аргументы «за» и аргументы «против» обучения жаргону и его включения в учебное содержание по русскому языку в болгарской школе.

Результаты. В качестве результатов проведенной интерактивной игры брейнсторм, можно привести некоторые обобщенные аргументы, высказанные участниками обеих команд. Некоторые из ответов приводятся в тех формулировках, которые дали участники игры.

«ЗА» изучение жаргона в русском языке, поддерживающие тезис об изучении жаргона высказали следующие идеи:

- потому что жаргон отражает важные тенденции в развитии современного общества;
- это «язык молодежи», его уникальная кодифицированная характеристика;
- он используется в повседневном общении между людьми одного возраста, или с одной и той же профессией;
- выражает эмоциональное отношение говорящего к слушающему;
- выражает эмоциональное состояние говорящего по отношению к ситуации действительности;
- может выражать разнообразные (в том числе – и противоположные) эмоции: удивление, восхищение, разочарование, раздражение и др.;
- это «язык в языке»;

- существует не только в устной речи, но все чаще и чаще функционирует на страницах газет и журналов;
- он является одним из самых мощных доминант современного развития языка, являясь удобным средством для коммуникации и общения;
- запретить использование жаргона бессмысленно и безрезультатно, но и сформировать правильное отношение к собственной речи важно и необходимо;
- усвоение любой профессии неразрывно связано с овладением соответствующим профессиональным словарем, важной частью которого является профессиональный жаргон;
- служит символом профессионализма в своем ремесле или профессии;
- придает естественность и современность речи;
- современная методика преподавания русского языка как иностранного в вузе не содержит курсы по изучению жаргона;
- существует проблема с частотностью использования жаргонных слов в коммуникативном пространстве иностранцев, изучающих русский язык;
- жаргон воспринимается в буквальном, литературном варианте значения;
- выучить жаргон учащиеся могут только в повседневном общении с русскими (что возможно только в условиях языковой среды);
- жаргон – труден для понимания и перевода;
- жаргон приводит к примитивизму в общении, упрощает язык и т.н. Студенты должны сначала овладеть литературным языком;
- жаргон может быть усвоен только в процессе ежедневного общения с носителями языка – что невозможно в условиях обучения вне языковой среды;
- жаргон засоряет язык;
- жаргон часто заменяет литературный язык – правильный язык – иностранными словами, что приводит к снижению уровня национального языка;
- жаргонизмы употребляются в определенном социуме, этот уникальный код трудно расшифровать;

- жаргон постоянно меняется, он является продуктом определенного времени и определенной ситуации;
- жаргон может стать нормой, если будет использоваться часто. Он не может быть основой национальной культуры;
- жаргон в общении является примитивной коммуникацией.

Заключение. В качестве вывода после проведенной игры брейнсторм, можно сказать, что в конечном счете аргументов «за» было больше и они были более вескими, и это результат того, что большинство участников – действующие педагоги, они общаются с молодыми людьми, знают в той или иной степени их способ общения и понимают их необходимость в общении со сверстниками, носителями русского языка «на их», хотя и выходящем за пределы литературной нормы, языке. Кроме того, можно сделать вывод о том, что для методистов и составителей учебных программ по русскому языку, важно обращение к различным пластам лексики изучаемого языка, в том числе, и к жаргону. Это, однако, вызывает ряд трудностей, в виду временной и социальной неустойчивости этих единиц. Трудности может вызвать и толкование и перевод их в иностранной аудитории, так как многие из них отражают конкретные ситуации состояния общества, которое их создает.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. Москва: ИКАР, 2009. – 448 стр.
2. Головин Б.Н. *Основы культуры речи: учебное пособие*. Москва: Высшая школа, 1980. – 438 стр.
3. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов–русистов / Под ред. А.Н. Щукина. Москва. 1990. – 231 стр.

РЕЦЕНЗИИ

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Университет национального и
мирового хозяйства
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevska Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D.
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

**СТЕРЕОТИПНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО В ТЕКСТЕ.
МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПОД
РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА М.П. КОТЮРОВОЙ. ВЫПУСК
21. – ПЕРМЬ: ПГНИУ.– 2017. – 174 С.**

Аннотация. Рецензия представляет читателю новый выпуск известного пермского сборника, снискавшего широкую популярность среди болгарских русистов.

Ключевые слова: пермская школа функциональной стилистики, когнитивно-коммуникативная методика обучения языку, интеллектуальная экспрессия в научном тексте

D.S. Lesnevska

**STEREOTYPE AND CREATIVITY IN THE TEXT.
INTERUNIVERSITY COLLECTION OF SCIENTIFIC WORKS
EDITORS: PROF. M. P. KOTYUROVA. ISSUE 21. – PERM: PERM
STATE UNIVERSITY.– 2017. – 174 P.**

Abstract. The review introduces the reader to a new edition of the famous Perm collection won wide popularity among Bulgarian specialists of Russian studies.

Keywords: Perm school of functional stylistics, cognitive-communicative methodology of language teaching, the intellectual expression in the scientific text

Рецензируемый сборник включает актуальные исследования в области стилистики, основанные как на традиционных подходах, так и на новых, недостаточно разработанных в функциональной стилистике, когнитивной лингвистике, социолингвистике, прагматике текста подходах. Анализу подвергаются научные, официально-деловые, художественные и публицистические тексты. Особое внимание обращается на тексты электронных СМИ.

Сборник состоит из Предисловия, трех разделов и рубрики «Обзоры». В предисловии профессор **М.П. Котюрова**, ученица и

продолжатель дела **М.Н. Кожиной** в области стилистики, в синтезированном виде представляет содержание нового сборника.

В первом разделе представлены исследования общего характера. **К.Э. Штайн** и **Д.И. Петренко** представляют развернутую рецензию на все выпуски «Стереотипности...», статья **Л.В. Кушниной** посвящена вопросам перевода, статья **А.Г. Баранова** и **Т.С. Щербины** представляет сущность новой когнитивно-коммуникативной методологии обучения иностранному языку, в статье **А.Л. Факторовича** комментируется взаимосвязь стереотипного и творческого начал в художественном тексте.

Второй раздел посвящен трактовке научного функционального стиля. Раздел объединяет статьи **Е.А. Баженовой**, **Н.В. Данилевской**, **Н.В. Соловьевой**, **М.П. Котуровой**. Все авторы второго раздела – известные российские специалисты и представительницы пермской стилистической школы, работающие на Кафедре русского языка и стилистики Пермского государственного исследовательского национального университета, причем **Е.А. Баженова** – заведующая кафедрой. В статьях второго раздела рассматриваются актуальные вопросы исследования научного текста: интертекстуальность, интеллектуальная экспрессия, сущность полемических высказываний, маркеры речевой индивидуальности ученого.

Третий раздел включает статьи, рассматривающие другие функциональные стили, а также особенности межкультурной коммуникации. Статья **Т.Б. Карпова** посвящена вопросам лингвокультурологии, **Д.С. Лесневска** комментирует специфику межкультурного иноязычного образования, **Л.Г. Кыркунова**, **Е.В. Афанасьева** анализируют форму и содержание современных медицинских документов, **А.А. Лазарян** исследует художественный текст, статья **А.В. Зубаревой** посвящена проблемам социолингвистики, **Чжоу Лу** анализирует заголовки новостей в электронных российских СМИ.

В «Обзорах» **Л.М. Алексеева** и **С.Л. Мишланова** анализируют современные проблемы перевода. Мы считаем, что новый 21 выпуск за 2017 г. сборника «Стереотипность и творчество в тексте» расширяет и развивает стилистическую теорию.

ХРОНИКА

Стефка Георгиева
доктор филологии, профессор
Пловдивский университет им.
Паисия Хилендарского
Болгария, г. Пловдив
e-mail: stefka3@abv.bg

Stefka Georgieva
professor, Ph.D.
University of Plovdiv Paisiy
Hilendarski
Bulgaria, Plovdiv
e-mail: stefka3@abv.bg

С. Георгиева

РОССИЯ В ПОИСКАХ МИРНОГО РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ, МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Статья посвящена образу России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI в.. Рассматриваются работы, представленные на международной научной конференции, в которой приняли участие более 50 ученых из 9 стран мира. Авторы анализируют современный политический дискурс, в котором по-разному оценивается Россия.

Ключевые слова: образ России, современная действительность, средства массовой информации, политический дискурс

S. Georgieva

RUSSIA IS LOOKING FOR A PEACEFUL SOLUTION OF SOCIAL, INTERCONFESSIONAL AND INTERETHNIC CONFLICTS

Abstract. The article is dedicated to Russia's image under the conditions of information war in the end of the 20th century and the beginning of the 21st century. Papers, presented at an international scientific conference, are considered; more than 59 researchers from 9 countries from all over the world took part in this conference. The authors analyse the modern political discourse and assess Russia in different ways.

Keywords: Russia's image, modern reality, media, political discourse.

С 23 по 25 ноября 2017 г. в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г.И. Носова прошла Международная конференция, в которой приняли участие более 50 ученых из 9 стран мира (России, Белоруссии, Болгарии, Германии, Ирана, Казахстана, Китая, Польши, Сербии). Конференция была организована Словарной лабораторией при Научно-исследовательском институте исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова,

которой в 2017 году исполнилось 15 лет. Работы Словарной лаборатории известны во всем мире своей актуальностью, высоким научным уровнем, прекрасными словарями, интересными проектами.

Международная конференция была открыта председателем Оргкомитета д.ф.н., проф. Шулежковой Светланой Григорьевной, которая подчеркнула сложный характер современного глобализованного мира и желание России сохранить мир и нормальные отношения между государствами с разной политической системой и разным вероисповеданием. Перед началом конференции в зале звучала песня «Алеша», посвященная памятнику Советской армии в болгарском городе Пловдиве.

Докладчики анализировали современный политический дискурс конца XX – начала XXI в., в котором по-разному оценивается Россия. Ярко выделялись два направления докладов – 1. взгляд на современную Россию из-за рубежа и 2. Россия описывается такой, какой она видится ее гражданами. В ходе конференции работали секции, на которых рассматривались также проблемы формирования ксенофобии психолингвистическими способами, анализировались взаимоотношения человека и государства по материалам паремий и исторических документов, рассматривались и трансформации современного политического дискурса. Издан сборник материалов международной научной конференции «Образ России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса». Магнитогорск, 2017 - 509 стр.

Болгария была представлена двумя участниками - Стефки Георгиевой и Милы Крыстева, преподаватели Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского. В пленарном докладе проф. Стефки Георгиевой представлен эмблематический образ России в жизни болгар, надежда на ее поддержку, силу, вера в ее непобедимость. В выступлении история Болгарии отмечена четырьмя основными периодами, связанными с Россией: 1. Освобождение от турецкого владычества – это образ «Деда Ивана» – доброго, сильного, любящего; 2. Восстание 1944 г. – свобода, новое развитие, восторженное отношение к подвигу русских и преклонение перед ее жертвами; 3. Экономическое развитие страны в период социализма –

тесная дружба и сотрудничество двух братских народов, стремление болгарской интеллигенции получить образование в СССР; 4. Новый период после 1989 г. - время вступления Болгарии в Европейский союз и НАТО, когда образ России моделируется по-новому, когда правящие и

народ по-разному относятся к России, а СМИ по-разному пропагандируют современную российскую действительность.

Доклад Милы Крыстевой «Россия в «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского и болгарская наука во время тоталитаризма в Народной Республике Болгарии» выявил труд Паисия как первый документ свидетельствующий о настоящей болгаро-русской дружбе.

В докладах представителей Беларуси на основе проанализированных языковых данных выражаются взаимоотношения между Россией и Беларусью различными представителями белорусского общества (Е.С. Василевская «Отношения России и Беларуси в зеркале метафор», г. Минск), сделан вывод о двояком отношении к сотрудничеству двух стран, обоснованном в различных средствах массовой информации. Доклад Евгения Иванова «Язык, идеология, культура в образовательном пространстве» (г. Могилев) проиллюстрировал взаимосвязь языка, идеологии и культуры в условиях русско-белорусского билингвизма в Республике Беларусь.

Интерес вызвало выступление русистов из Ирана (Тегеран) М. Яхьяпур и Дж. Карими-Мотаххар «Место и значение А. Пушкина и В. Маяковского в современной персидской поэзии», в котором они талантливо доказали взаимовлияние русской и иранской культур как следствие поэтического наследия выдающихся иранских поэтов XX столетия, которые знали и высоко ценили творчество Пушкина и

Маяковского, а также активизация экономических и дипломатических связей между Ираном и Россией.

Языку и политике страны был посвящен доклад Ж.Н. Жунусовой «Коммуникативно-прагматический аспект современного массово-информационного дискурса» (Казахстан, г. Астана). На конкретных примерах из СМИ показаны отношения Россия – Казахстан, своеобразие национального мировидения и мироощущения.

Отношение к современным событиям, изменение в поведении некоторых стран к России, введение экономических санкций к России, вопросы, связанные с Крымом, сложность отношений с Украиной и т.п. были неравнодушно проанализированы в работах русских ученых (Т.Ю. Новикова, Симферополь «Крымский выбор: Россия глазами крымчан»; Н. А. Галактионова, Тюмень «Дискурс этноненавистничества в современных российских СМИ»; Н.С. Громова, Екатеринбург «Особенности российского экстремистского дискурса»; О.И. Андрейченко, Симферополь «Метафорическое моделирование в политическом дискурсе конца XX – начала XXI века»; Е.Н. Бекасова», Оренбург «К проблеме трансформации политического дискурса: прозвищное отражение; и др.»).

В докладе С.Г. Шулежковой (Магнитогорск) «Образ России на фоне цветных революций и Крымской весны в информационной войне начала XXI в. проанализированы нападки на Россию, и ее граждан в СМИ, в глобальной Интернет-сети, которые приобрели особый размах в последнем десятилетии. Анализ языка политики последний лет показывает, с одной стороны, что это процессы вызвали небывалый подъем патриотических чувств россиян, испытавших гордость за свою Родину, с другой – извне на Россию обрушился шквал обвинений, которые в совокупности представляют Россию «дикой страной» (М. Макфол), страной-агрессором, а ее граждан – «тупыми и злобными варварами» (З. Бжежинский).

Представление о месте России в евразийском пространстве и роли, отводимой государству Российскому в общеисторическом контексте рассматривалось в докладе Л.Н. Чурилиной и Е.Н. Деревской (Магнитогорск) «Третий Рим»: Образ России в новейшем религиозном дискурсе».

«Психолингвистические способы формирования русофобии в современном мире и социальные последствия их реализации» были интересно представлены в докладе О.Н. Гневзк и М.В. Мусийчук (Магнитогорск). Способы формирования русофобии целенаправленно нарушают действие принципа объективной целостности этностериотипа русских. Авторы пришли к выводу, что развитие ксенофобских настроений по отношению к России привело как к ожидаемым, так и к неожиданным социальным последствиям.

После докладов шли оживленные дискуссии, обсуждаемые темы волновали всех участников конференции, хотелось найти ответы на сложные вопросы, обсуждения продолжались и кулуарах.

На внимание участников конференции была представлена презентация новых книг (2015 – 2017), выставленных на конкурс. На заключительном заседании лауреаты конкурса получили награды. Из Болгарии высокую награду за популяризацию национальной литературы получила книга Милы Крыстевой «Първа Харитонова Преправка» на «История славянобългарска» (Змеево, 1831), Пловдив: Жанет-46, 2015 – 479 с.

Организаторы предложили участникам конференции богатую культурную программу. Незабываемой останется встреча с Уральскими горами, теплое общение с коллегами, заботливое отношение хозяев!

Илчева Радослава Велчева
доктор филологии, доцент
Институт литературы Болгарской
академии наук
Болгария, г. София
e-mail: rilcheva@abv.bg

Ilcheva Radoslava Velcheva
Associate Professor, PhD.
Institute for Literature, Bulgarian
Academy of Science
Bulgaria, Sofia
e-mail: rilcheva@abv.bg

Р.В. Илчева

БОЛГАРСКИЕ ШКОЛЬНИКИ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОЛИМПИАДАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В 2017 ГОДУ

Последние годы ознаменованы ростом неподдельного интереса к русскому языку в болгарской средней школе. В этом огромная

заслуга учителей-русистов, которые прививают молодым болгарам любовь к великому славянскому языку как в рамках учебной программы, так и за ее пределами. Например, в учебном 2016/2017 г. 18 СШ им. У. Гладстона в Софии, где русский язык преподается только в средних классах, организовала для старшеклассников, желающих участвовать в олимпиадах, занятия кружкового типа.

Результаты активной, высокопрофессиональной и самоотверженной работы болгарских педагогов-русистов не заставили себя ждать: 2017 год стал годом широкого международного признания успехов болгарских школьников в изучении русского языка.

4-8 декабря 2017 г. в Москве состоялся очный тур авторитетнейшей в русскоязычном мире Международной олимпиады по русскому языку Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Олимпиада проводится с 1972 г. и с самого начала болгарское участие в ней было традиционно сильным. Эту добрую традицию продолжают воспитанники СШ им. А.С. Пушкина в Варне, которые уже несколько лет добиваются высоких результатов на заключительном этапе состязания: в 2013 г. абсолютным победителем стала Боряна Монева. В 2017 г. ученики 12-ых классов Ивелина Ангелова, Виолина Маринова, Даниел Станчев, Венелин Павлов, Габриела Петкова, Цветелина Попова (преподаватель Люба Станева) и десятиклассница Златина Дамянова (преподаватели Галина Любенова, Людмила Бородина, Люба Станева) вышли в финал настоящей, 15-ой по счету Олимпиады. Златина Дамянова к тому же стала обладателем диплома второй степени, а Ивелина Ангелова – обладателем диплома третьей степени.

27 мая 2017 г. в Белграде прошел финал 5-ой международной олимпиады НИС по русскому языку. Впервые в этом престижном соревновании в знании и владении русским языком, которое проводится в Сербии с 2013 года, приняли участие учащиеся болгарских средних школ. Наиболее высокие результаты среди болгарских участников показали Александра Кутрянова и Мелиса Николова, которые заняли, соответственно, 5-ое и 7-ое место в своих группах. Обе они изучают русский язык в 18 СШ им. У. Гладстона в Софии под руководством Евгении Стойневой. Достоинно представили

нашу страну и Руслан Настаев, Моника Дичева, Роза-Мария Булат (ЧСШ им. Ю. Гагарина, СОК «Камчия», преподаватели Калина Крачева, Елена Лазарова), Валери Атанасова (18 СШ им. У. Гладстона, София, преподаватель Евгения Стойнева).

24-26 апреля 2017 г. в Москве прошел очный тур Международной олимпиады для старшеклассников и студентов младших курсов по русскому языку как иностранному «Русский мир: симфония языка и культуры». Это уникальное лингвистическое многоборье было организовано Московским городским педагогическим университетом – учебным заведением, зарекомендовавшим себя лидером в области преподавания РКИ. Болгарское участие было ярким, запоминающимся: первое место занял девятиклассник Велемир Димитров (18 СШ им. У. Гладстона, София, преподаватель Евгения Стойнева), а второе – девятиклассник Руслан Настаев (ЧСШ им. Ю. Гагарина, СОК «Камчия», преподаватель Калина Крачева). Высокий уровень владения языком и завидные познания в области русской культуры продемонстрировали и остальные болгарские участники - ученицы 12-го класса Десислава Таскова и Антонина Николова (ПМГ им. С.П. Королева, Благоевград, преподаватель Марина Рулько), одиннадцатиклассник Никола Николов (ЯГ им. И. Вазова, г. Пловдив, преподаватели Ивелина Чепилска, Гергана Георгиева, Бранимир Филипov), восьмиклассники Анна Ефендулова, Станислав Василев и Димяна Ангелова (ЧСШ им. Ю. Гагарина, СОК «Камчия»; преподаватель Калина Крачева).

Сердечное спасибо, ребята, за усердие и энтузиазм; за то, что вы отлично, в условиях сильной конкуренции, представили нашу страну на престижных языковых состязаниях. Дальнейших вам успехов в постижении мудрости русского языка, посланий русской литературы, феноменов русской культуры! Сердечные слова благодарности вашим преподавателям! В сложное и ответственное время болгарским учителям-русистам выпала сложная и ответственная задача: передать своим ученикам не только собственные знания и опыт, но и знания и опыт предшествующих поколений в русистике. И они с честью ее выполняют.

Терзиева Татьяна
асистент, доктор
Университет им. Константина
Преславского
Болгария, г. Шумен

Tatyana Terzieva
Assistant, PhD
Konstantin Preslavsky
University
Bulgaria, Shumen

Т. Терзиева

СЕМИНАР В ШУМЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

12 декабря 2017 г. в Актовом зале Шуменского университета состоялся очередной семинар при поддержке фонда «Русский мир» на тему «Страницы русской истории и культуры в Шуменском регионе». Семинар был организован Русским центром и Кафедрой русского языка Шуменского университета. Куратор семинара проф. д-р В. Аврамова вела свой рассказ на основе архивных документов, воспоминаний и данных СМИ на протяжении XIX-ого и XX-ого веков. Были затронуты события осады Шуменской крепости времен русско-турецких войн, освобождение Шумена 18-ого июля 1878 г., деятельности генералов В.Г. Мадатова, А.Д. Столыпина, С.Д. Белокопытова, К.Т. Рябинкина, помощи русского коменданта майора С. Недзвецкого в налаживании жизни города. В 30-е годы в Шумене обосновалась одна из четырех Русских гимназий в Болгарии, в которой учились дети русских эмигрантов. О ее деятельности и о помощи шуменцев рассказали проф.д-р Р. Ангелова и проф.д-р Е. Стоянова. Об одном из ее учеников, позже известном писателе Гайто Газданове рассказал проф.д-р Ив. Петров. В 40-ые годы в Шумене жил и работал русский музыкант К.Могутин, основавший балалаечный оркестр, с которым успешно выступал не только в городе.

Незабываемыми для жителей города останутся гастроли русских артистов. В Шумен с гастролями приезжали балерина Алла Шелест и певец Рашид Бейбутов (1951 г.), артисты Малого театра (1958 г.), арфистка В. Дулова и Северный русский народный хор, В. Борисенко и В. Климов (1959 г.), Б. Давидович и театр им.Вахтангова (1960 г.), ансамбль Советской армии им. А.А. Александрова на городском стадионе (1961 г.), Ленинградский Большой драматический театр (1963 г.), оркестр Московской государственной

филармонии под управлением К. Кондрашина (1971 г.), концерт А. Пугачевой в Летнем театре (1976 г.), авторский концерт Т. Хренникова с участием 11-летнего Вадима Репина (1984 г.) и многие другие. Были встречи с представителями «Литературной газеты», и то какими – Б. Окуджавой, М. Жванецким, Н.Богословским, Т.Кузовлевой, Ю. Друниной. Все представленное на семинаре было очень малой толикой тех событий, связывающих шуменцев с Россией, которые происходили за прошедшие века и годы.

Не были забыты и представители русского академизма, выступавшие в Шуменском университете. О троих из них – акад. А.М. Панченко, проф. Б.А.Успенском и проф. В.В. Бычкове рассказал проф. Хр.Трендафилов. В свое время они были удостоены почетным титулом доктора Шуменского университета.

На семинаре выступали учителя, студенты, школьники. В переполненном зале были университетские преподаватели и граждане города. Рассказы выступающих были сопровождаемы презентациями и музыкальными исполнениями. Многие события остались «за кадром», но встречи с русской историей и культурой в Шуменском регионе еще будут проводиться.

ЮБИЛЕИ

ПРОФЕССОРУ ДОКТОРУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПЕТКО ТРОЕВУ 75 ЛЕТ

В 2017 году профессору доктору филологических наук Петко Троеву исполнилось 75 лет.

П. Троев родился 19 июня 1942 г. в с. Изворово, Старозагорской области. В 1966 году окончил Софийский университет им. св. Климента Охридского по первой специальности «болгарская филология» и второй специальности «русский язык и литература». С 1970 до 1975 г. был секретарем Столичного городского совета по искусству и культуре.

В 1971 г. П. Троев поступил в заочную аспирантуру при Кафедре русской литературы на факультете славянских филологий Софийского университета. В 1977 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Глеб Успенски и българската литература», а в 1991 г. - диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Жанрова типология и поетика на руския роман от първата половина на XIX век».

С 1975 г. научная и преподавательская деятельность П. Троева связаны с Софийским университетом. В стенах старейшего высшего учебного заведения страны он последовательно прошел путь от ассистента (1975) через доцента (1981) до профессора (1992) русской классической литературы. О нем со словами благодарности вспоминают бывшие студенты – учителя, деятели науки и культуры, известные литераторы и литературоведы, среди которых немало доцентов и профессоров. Ведь проф. Троев способствовал творческому и кадровому росту нескольких поколений болгарских литературоведов - как преподаватель, оппонент диссертационных трудов, член ученых жюри по присуждению академических степеней, заместитель председателя Специализированного ученого

совета по литературоведению при ВАК, член и заместитель председателя Ученой комиссии по филологии при ВАК.

Проф. Троев – яркое имя в болгарской литературоведческой русистике. Под его пером русский XIX век обрел сопряженные с нашей современностью отчетливые параметры. В его книгах «Гогол» (1981), «А. П. Чехов» (1985), «Достоевски. Духовните митарства на гения и пророка» (2012) во весь рост предстали фигуры писателей, определивших духовный облик своей эпохи. Книги проф. Троева «Руският роман от първата половина на XIX век» (1989), «Руска класическа литература. Литературен справочник» (1995), «Етюди за руската литература» (1996), «Руският модернизъм. Енциклопедичен речник» (2004) при помощи различных исследовательских методов и жанров представили во всей многогранности и поступательности магистральное движение русской классики из прошлого в будущее.

Вместе с тем П. Троев – автор многочисленных студий, статей, докладов на престижных научных форумах. Посвященные важнейшим проблемам изучения русской классики и ключевым событиям в болгаро-русском литературном и культурном диалогах, они получили широкий отклик в научных кругах у нас и за рубежом и снискали своему автору заслуженное уважение.

П. Троев не обошел своим вниманием и учебную литературу. Он автор учебного пособия для старшеклассников «Руска класическа литература за гимназиалния курс» (1997) и университетского учебника в двух частях «Руска класическа литература» (2006, 2012). Учебник, с одной стороны, максимально информативен. С другой, он представляет собой глубоко продуманный анализ сложных и неоднозначных процессов, имевших место в художественных и идейных поисках русских писателей. В то же время он стал обобщением и подведением итогов целого ряда направлений (в том числе и развиваемых в Болгарии) в изучении художественного наследия классики. Предназначенный в первую очередь студентам, он полезен и для литературоведов. В этой полифункциональности сказалось присущее его автору искусство полноценного общения с обширной аудиторией (от студентов до исследователей) в рамках одного и того же текста. Поэтому учебник и в будущем сослужит добрую службу еще не одному поколению ученых.

Профессор Петко Троев - составитель многочисленных сборников, которые по праву можно отнести к репрезентативной выборке болгарской литературоведческой русистики: издательской серии «Руска литературна класика» (т. I-IV, 1994-1998), юбилейного сборника «А. С. Пушкин и българската култура» (1999), антологии «Руска любовна лирика» (2003) и др.

В течение своей плодотворной карьеры проф. Троев зарекомендовал себя отличным организатором и администратором. В разные годы он был заместителем ректора Института иностранных студентов (1979-1987) и Софийского университета (1987-89). Долгие годы заведовал Кафедрой русской литературы в СУ и был членом Центрального правления Общества русистов в Болгарии.

Труды проф. Троева получили заслуженное признание, о чем свидетельствует целый ряд государственных и академических отличий - орден «Кирил и Методий» I степени (1987), Большая литературная награда им. Найдена Герова Общества русистов в Болгарии (1990), специальная награда «Золотая муза» (2000), высшее отличие Софийского университета Почетный знак на синей ленте (2007) и др.

Юбилеи проф. Троева давно превратились в повод для «сверки часов» болгарских русистов-литературоведов, в моментальный снимок актуального состояния нашей литературоведческой русистики. Об этом свидетельствуют сборник в честь его шестидесятилетия «Четене на литературната класика» (София, 2002) и Международная научная конференция (ноябрь 2002) по случаю его 70-летия. Эту традицию продолжили Национальные литературные чтения по русской литературе (октябрь 2017), организованные Факультетом славянских филологий и, в частности, Кафедрой русской литературы. В них приняли участие представители всех центров академической русистики в Болгарии, которые затронули в своих докладах самые разнообразные проблемы и темы русской литературы.

Долгих и добрых Вам лет, профессор Троев! Новых творческих успехов! Новых интересных книг!

Доц. д-р Радослава Илчева

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bolgrusistika@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликовывшиеся **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: borisov@rambler.ru
Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru
(10 пунктов)

И.В. Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами
Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V. Borisov (11 пт.)
THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами
Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2],[7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт.).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // *Стиль*. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com

Броят е отпечатан с финансовата помощ на проф. Валентина
Аврамова.